

Юрий
БОРОДКИН

г. Ярославль

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Тем временем тушинцы под командой Сапеги и соединившегося с ним Лисовского в сентябре 1608 года подступили к стенам Троицкой лавры. Не только стратегическое положение этого опорного пункта между Москвой и северными городами, снабжавшими столицу продовольствием, оружием и ратниками, заставляло поляков приступить к осаде знаменитого монастыря – завоевателей прельщали его богатства. Московские государи щедро одаривали первый по значению монастырь. Достаточно сказать, что на его землях проживало до 100 тысяч крестьян.

Обнесённая внушительной каменной стеной при Иване Грозном, лавра представляла собой серьёзную крепость, к тому же Василий Шуйский предусмотрительно послал туда ратников и боевые припасы. Многие из самих монахов были прежде служилыми людьми и воинами, всегда готовыми к отражению неприятельского прихода. В крепости имелось 110 пушек. Д.Иловайский предположил, что среди защитников монастыря было около ты-

сячи монахов и около четырех тысяч местных жителей, нашедших убежище за его стенами. Если Авраамий Палицын исчисляет войско Сапеги в 30 тысяч человек, то Валишевский с пристрастием старается снизить эту цифру, в противоположность увеличивая число обороняющихся.

Не наступая на Москву, тушинцы решили ослабить её блокадой. Первую попытку взять монастырь предпринял Лисовский, разбойничавший в Переславской земле.

23 сентября 1608 года подошли с большим войском Ян Сапега и другие знатные паны, началась осада.

Неприятель думал легко устрашить защитников монастыря, презрительно называя его «курятником», а столкнулся с неприступной цитаделью. В самой лавре было множество людей, искавших защиты за её стенами. Обороной руководили воеводы, князь Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов. Моральным авторитетом являлся архимандрит Иоасаф. Приготовляясь к обороне, они первыми целовали крест перед гробом святого

Сергия с клятвой стоять накрепко без измены. Той же клятвой скрепили своё боевое братство все воины и насельники лавры. Незримое присутствие великого игумена земли русской вселяло уверенность в защитников святой обители, укрепляло дух воинов и монахов. На стенах были расставлены пушки, отряды защитников и дозорных; в церквах возносились молитвы с просьбой к Всевышнему о даровании победы над захватчиками.

Ян Сапега и Александр Лисовский посылали своего человека с письмом к монастырским воеводам, требуя от них покориться Лжедмитрию, «царю вашему и нашему, который не только сильнее Лжецаря Шуйского, имея чем жаловать верных, ибо владеет уже едва ли не всем Государством...». Защитники гордо отвечали: «Упование наше есть святая Троица, стена и щит Богоматерь, святые Сергей и Никон⁷: не страшимся!»

Укрепив на высотах туры, наступающие три недели били из пушек и пищалей, но крепкие стены не поддавались разрушению. Перед первым штурмом Сапега устроил своему войску шумный пир, видимо желая воздействовать на моральный дух защитников монастыря. Ночью хмельные ляхи бросились с лестницами и щитами к монастырским стенам, но были отбиты, понеся при этом большой урон и побросав все орудия приступа, унесённые в крепость в качестве дров, в которых осаждённые испытывали острую нужду.

События обороны Троицкого монастыря трактуются в основном по сказанию Авраамия Палицына, к сожалению, находившегося в то время не в лавре, а в Москве. Он использовал рассказы очевидцев и записи, которые делали осаждённые, например, «выпись вылазкам», совершаемым часто и успешно. В Троицкой лавре не было своего героя, подобного воеводе Шеину в Смоленске, здесь царило общее воодушевление, воспламеняемое именем св. Сергия и усердием в стойкости архимандрита Иоасафа, являвшегося душою обороны.

Зимние холода усугубили тяготы осаждённых. Страдая от недостатка дров, теряя в битвах многих защитников, изнуряясь вспыхнувшими болезнями, осаждённые стойко переносили невзгоды, несмотря на то, что в день умирало до двадцати и более человек. К счастью, Сапега, убедившись в безуспешности штурма, отвёл своих ратников в станы, чтобы переждать холода. Ляхи знали о бедствиях обители и надеялись взять её измором.

Силы защитников лавры ослабевали, все готовились к смерти, но не пали духом и одолели трудную зиму. Сапега продолжал упорствовать в своём стремлении овладеть монастырской тверды-

ней. 27 мая он предпринял новое наступление, участвуя в нём лично. Приступ начался с наступлением темноты. На монастырских стенах стояли в готовности не только воины, но и женщины. Архимандрит и старцы монахи возносили молитвы в Троицком соборе. «Готовые к смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: без ужаса и смятения каждый делал своё дело; стреляли, метали камни, зажжённую смолу и серу, лили вар, отбивали щиты и лестницы...» (Н.Карамзин)

Штурм был отбит с большими потерями ляхов. Сапега больше не предпринимал приступов большими силами и выжидательно не снимал осаду. Она продолжалась шестнадцать месяцев, в то время, когда положение России было самое бедственное.

Бездействуя под Москвой, тушинский «царь» рассылал свои грамоты и отряды с целью приведения к присяге ещё не отложившихся от Шуйского городов и весьма преуспел, действуя где обольщениями, где силой. Более всего здесь отличился Лисовский, сначала он явился в Суздале и привёл его под руку самозванцу. Переславцы двинулись на Ростов вместе с поляками. «Переславцы всякие люди позабыша праведной суд Божий и не помня крестного целования, измениша, и поцеловали крест вору, и собрався с литовскими людьми, поидоша ко граду Ростову», – сказано в Никоновской летописи. Многие ростовцы бежали в Ярославль; митрополит Филарет заперся в соборе с оставшимися. Наступавшие взломали дверь и расправились с непокорными: секли без разбора, около 2 тысяч ростовцев погибли в этом злодейском ожесточении не только от поляков, но и от своих предателей переславцев. Надругались над митрополитом: с него сорвали святительские одежды, одели в рубище и татарскую шапку и отправили в Тушино к самозванцу. Тот принял Фёдора Никитича ласково, как бы родственника (племянника царицы Анастасии, жены Ивана Грозного), и даже назвал патриархом. Сообщение о том, что Филарет подарил самозванцу посох с драгоценным камнем, который стоил бочонка золота, вряд ли соответствует действительности, потому что грабители отобрали бы такую ценность ещё в Ростове.

Добычей поляков стало всё имущество ростовских церквей, в том числе соборной церкви Пресвятой Богородицы, где находилась гробница чудотворца Леонтия с его образом (изображением) из чистого золота весом в пять пудов (Бер называет 200 фунтов). По сведениям наших источников, его разрубили на части, разобрав по жребии; по польским – изображение св. Леонтия было подарено Сапегой Марине Мнишек.

В Ярославле Лисовский перебрался через Волгу и легко взял Кострому и Галич. Их примеру последовали Углич, Вологда, Тверь. Ярославль не оказал сопротивления, принял воеводу от Лжедмитрия на условии не грабить город и с обещанием отправить в Тушино 1000 всадников.

Ходили слухи о том, что в Белозерске хранится часть царской казны. Для её отыскания Сапега направил туда отряд конницы. Казну не нашли, но выпустили на свободу изменника Григория Шаховского и других сосланных.

Подробней других описал беды России Авраамий Палицын. Приведём некоторые выдержки его свидетельств: «Сердце трепещет от воспоминания злодейств: Там, где стыла тёплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любопытство искало одра для своих мерзостных наслаждений... Святых Инок и монахов обнажали, позорили; лишённые чести, лишались и жизни, в муках срама... всех твёрдых в добродетели предавали жестокой смерти: метали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов; в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях... Сердца окаменели, умы омрачились... Гибли отечество и Церковь; храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени; скот и псы жили в Олтарях; воздухами и пеленами украшались кони. Иноков, Священников палили огнём, допытываясь их сокровищ... Люди уступили свои жилища зверям. Враны плотоядные сидели станицами на телах человеческих...» Действительно, при чтении таких строк трепещет сердце.

Тушинский лагерь жил в своём удовольствии, ни в чём не нуждаясь, пользуясь свободным подвозом продовольствия и товаров из провинции, хотя столкновения с московскими ратниками происходили часто. Здесь изображалось подобие царского двора, с необходимым штатом прислуги, со своими приказами. «Перелёты» сообщали, что Шуйский скоро будет низложен. Лжедмитрий выжидал удобный момент, когда можно будет вступить в столицу торжественно, без кровопролития. Василий Шуйский, не надеясь на верность бояр и войска, опасался сразиться с неприятелем в поле, спокойно ожидал своего спасителя Михаила Скопина. Возлагали на него надежды и троичие истомившиеся защитники, коих оставалось всего 200 человек. На их счастье, Сапега, оставив в стане незначительный отряд, двинулся навстречу Скопину-Шуйскому и был разбит юным полководцем под Калязином.

Михаил Скопин продолжал победное движение, освобождая от захватчиков город за городом:

осенью 1609 года были взяты Переславль и Александрова слобода, откуда Скопин послал в подмогу Троице 600 ратников во главе с воеводой Давидом Жеребцовым, а затем – ещё такой же отряд. После нескольких неудачных столкновений с войском Михаила Скопина Сапега бесславно бежал с остатками войска к Дмитрову. Героические защитники Троице-Сергиевой лавры праздновали победу, выстояв полтора года в осаде.

Скажем ещё несколько слов об архимандрите Иоасафе, истинном угоднике Божьем, вдохновителе беспримерной обороны главной святыни земли русской, не стремившемся выставлять себя впереди других. В сочинении А. Палицына о подвиге преподобного говорится сдержанно, в то же время Н. Костомаров отметил: «...келарь Авраамий не был очевидцем осады монастыря и писал по слухам и преданиям... нельзя не заметить, что сочинитель выставляет на вид важность собственного участия в делах».

Важные сведения о судьбе Иоасафа сообщает К. Ю. Резников: «В «Сказании» не сказано о дальнейшей судьбе Иоасафа. Между тем она до конца была подвигом. Вскоре после снятия осады престарелый архимандрит, с разрешения патриарха Гермогена, ушёл на покой в место пострижения – в Пафнутиево-Боровский монастырь. Покоя не получилось: в июле 1610 г. Боровский монастырь окружили войска Сапегы». На сей раз отбиться от неприятеля не удалось: с четвёртой попытки разъярённые поляки ворвались в монастырь и погубили почти всех защитников, мученически погиб и архимандрит Иоасаф.

Издание «Православные монастыри» рассказывает о тяжкой боровской трагедии, когда бежавший в Калугу Тушинский вор вместе с Сапегой в июле 1610 года шёл на Москву и осадил Боровский монастырь. Здесь ничего не сказано об Иоасафе, о том, что будто бы он посоветовал князю Михаилу Волконскому, посланному Шуйским, засесть в монастыре. Волконский прежде служил воеводой в Боровске, хорошо знал обстановку и сам принял такое решение. Ворвавшиеся в монастырь с четвёртой попытки литовцы принялись беспощадно сечь защитников: Сапега выместил своё зло за посрамление под Троицей. Многие побежали в церковь. В «Новом летописце» сказано: «Той же князь Михайло встав дверей церковных и с ними бился много и изнемог от великих ран... и побиша всяких людей в монастыре по числу 12000...» Вместе с другими монахами был посечен игумен, но имя его не называется. Это был Иоасаф, вернувшийся после освобождения Троицы в Боровский монастырь, где прежде был пострижен. По

дневнику, который вёл секретарь Яна Сапеги, из 50 чернецов осталось не более 10 человек.

Попутно отметим, что в Боровском монастыре принял постриг и скончался в 1598 или в 1599 году приближённый Годунова Андрей Клешнин, расследовавший дело об убийстве царевича в Угличе и, возможно, сам же организовавший его. Сразу после этой трагедии (не позднее 1592 года) Клешнин принял схиму с обетом молчания.

КНЯЗЬ МИХАИЛ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

«Личность эта быстро промелькнула в нашей истории, – писал Н.Костомаров, – но с блеском и славою, оставила по себе поэтические печальные воспоминания. Характер этого человека, к большому сожалению, по скудости источников, остаётся недостаточно ясным, несомненно только, что это был человек необыкновенных способностей». Способности эти только начали развиваться в молодом князе и сулили ему великое будущее.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский происходил из знатного рода Шуйских, один из предков которых получил прозвище Скопа. Лжедмитрий I выделил среди придворных 19-летнего князя, присвоив ему почётное звание Великого мечника (на польский манер), хранившего царский меч. Кстати, во время мятежа 17 мая 1606 года Лжедмитрий будто бы не нашёл свой меч на месте, хотя нет сведений, на чьей стороне был Михаил Скопин.

Мы видели важный в карьере молодого князя эпизод, когда он ехал во главе торжественной процессии в село Тайнинское встречать Марфу (царицу Марию). О первых его победах над болотниковцами было сказано выше. Он был также одним из воевод при осаде Тулы.

Некоторые историки считают, что Василий и Дмитрий Шуйские отправили Скопина на переговоры со шведами, дабы избавиться от него в Москве. Дмитрий, будучи главным воеводой, конечно, был заинтересован в удалении молодого успешного соперника, но Василий был крайне заинтересован в помощи шведов, и такое союзничество оказалось оправданным.

Михаил Васильевич остановился в Новгороде, но после псковского мятежа, почувствовав недоброжелательство новгородцев, пытался перейти в Иван-город и Орешек, где не был принят, и уже собирался ехать в Швецию, как вдруг новгородцы позвали его к себе, откуда он стал сноситься со шведским двором. Для переговоров со шведами князь Скопин отправил своего шурина

стольника Семёна Головина. В феврале 1609 года договорённость о военной помощи была достигнута путём уступок: не вступать в Ливонию, отдать шведам город Корелу (Кексгольм) и пр. Как видно, переговоры были длительными, поскольку Скопин был отправлен Василием Шуйским в августе 1608 года. Далее задержки не было, уже в марте пятитысячное шведское войско во главе с генералом Якобом Делагарди подошло к Новгороду. Новгородцы встретили шведского военачальника с честью. Между 27-летним Якобом и 22-летним Михаилом завязались дружеские отношения. По настоянию Скопина-Шуйского решено было идти к Москве.

5 мая соединённое русско-шведское войско разбило казаков Кернозицкого у села Каменка, забрав большие трофеи. Весть о первой победе оказалась важной: от самозванца отложились города Торопец, Холм, Невель, Великие Луки, Порхов, Торжок. Скопин продолжал рассылать по северным городам призывы присылать ратников и деньги.

Тушинский вор отправил навстречу наступающим полковника Зборовского и Григория Шаховского с русскими тушинцами. Они попытались запереться в Твери, но были выбиты оттуда. В это время царь писал племяннику: «И тебе бы, боярину нашему, никак своим походом не мешкать, нам и всему нашему государству помощь от воров подать вскоре. И только божиею милостию и твоим промыслом и радением государство от воров и от литовских людей освободится, литовские люди твоего прихода ужаснутся и из нашей земли выйдут или по божьей милости победу над собой увидят, то ты великой милости от бога, чести и похвалы от нас и от всех людей нашего государства сподобишься, всех людей великою радостью исполнишь, и слава дородства твоего в нашем и окрестных государствах будет памятна, и мы на тебя надёжны, как на свою душу». Из этого послания-мольбы видно, что все надежды свои Василий Иванович связывал с храбрым молодым витязем Скопиным.

Делагарди стал требовать жалованья войску, денег у Скопина не было. В результате шведы отошли в Торжок, остался лишь отряд Христиерна Зоме. Выручила помощь многих монастырей и городов, щедро помог Пётр Строганов, находившийся в Сольвычегодске и сохранявший верность Шуйскому. Царь посылал в северные заволжские города грамоты с увещеваниями отстать от Тушинского вора: «Слух нас дошёл, что вы, исторопясь воров, неволею ворами крест целовали, и мы о том поскорбели... чему поверили и, на что смотря,

смутились?.. И как к вам ся наша грамота придёт, и вы бы попомнили православную Веру...» – писал он галичанам в ноябре 1608 года и предлагал ратникам «посождатьсь в Ярославле». А воеводе астраханскому Фёдору Шереметеву велел идти к Москве, освобождая Понизовые города, что тот с успехом исполнял.

Михаил Скопин тоже рассылал свои призывы по северным городам, по его указанию вологодский воевода Вышеславцев двинулся на Ярославль, по пути изгнав тушинских приверженцев из Пошехонья, Рыбной слободы, Романова. Ярославцы жестоко расправились с назначенным Тушинским воеводой Иоахимом Шмидтом, сварив его в котле. В результате Ярославль, Кострома, Галич, Вологда, Тотьма, Каргополь, Соль-Вычегодская, Вятка и другие города снова подтвердили верность царю Василию, что позволило Михаилу Скопину укрепить своё положение. Собирая силы, он остановился под Калязином, где Зомме обучал ополченцев военному делу. Знаменитый старец Борисоглебского монастыря Иринарх Затворник прислал князю Михаилу воодушевляющее напутствие и свой крест. Здесь Михаил одержал важную победу над войском Яна Сапеги, вышедшего ему навстречу от Троицкого монастыря.

Вместе с вернувшимся 26 сентября 1609 года Делагарди Михаил Скопин взял Переславль и зимовал в Александровой слободе. Соединённое войско тушинского гетмана Рожинского и Сапеги пыталось атаковать слободу, но также было разбито.

Почему князь Михаил долго стоял в Александровой слободе, несмотря на призывы царя Василия? Не только потому, что войско пережидало холода, были и стратегические цели: следовало очистить подступы к столице для надёжной связи с северными городами, чему пока мешали Сапега, стоявший под Троицей, и Лисовский, засевший в Суздале. Князя Михаила и его друга генерала Якоба Делагарди вполне устраивало пребывание во временной столице Ивана Грозного, укреплённой каменными стенами, где всё сохранилось: и дворец, и храмы. После длительного похода с боями молодые полководцы имели здесь передышку в отдалении от столичных интриг, измен, обманов и козней.

Авторитет Михаила Скопина возрастал с каждым днём, слава его распространялась впереди войска. К нему стекались ратники из соседних родов, пришёл на соединение доблестный воевода Фёдор Шереметев, сначала достигший верного Шуйскому Нижнего Новгорода, а затем занявший Владимир. Пришла рать из Ярославля. Сам Васи-

лий прислал из Москвы подмогу во главе с князем Иваном Куракиным.

«Уже Слобода Александровская как бы представляла Россию и затмевала Москву своею важностью. Туда стремились взоры и сердца сынов отечества», – пишет Карамзин. И уже пошли разговоры о том, что князь Михаил Васильевич достоин царского венца, что Бог посылает России чистого сердцем, молодого, мужественного избавителя от супостатов. Устав от коварства, измен и обмана государей, московские люди связывали с ним свои надежды иметь монарха справедливого и сильного, способного защитить страну от неприятелей и бедствий. Уже видели царём Михаила, а не Василия Шуйского, не сумевшего одолеть Тушинского вора.

Нашёлся человек, открыто изъявивший народное желание князю Михаилу: им оказался беспокойный духом, порывистый Прокопий Ляпунов, приславший из Рязани посланников с предложением провозгласить Скопина-Шуйского царём: «ублажая его лестно и Царство ему прорицаю, а царя ж Василия укорными словесы писаше».

Князь Михаил гневно разорвал письмо Ляпунова, а посланников велел схватить, те пали к его ногам и упросили отпустить их. Михаил не стал сообщать об этом дяде Василию, однако кто-то донёс царю тревожную весть, возбуждающую подозрения. Как знать, не пробудило ли в душе князя Михаила ляпуновское послание честолюбивых желаний? Понятно его возмущение, когда он порвал письмо Ляпунова и всё же отпустил присланных им людей и не стал извещать царя Василия о случившемся. Не смутило ли его это предложение? Безусловно, молодой герой не стал бы выступать открыто против дяди, но он точно знал, что теперь он первый и неоспоримый преемник Василия Ивановича, представитель старшей ветви князей Шуйских. Михаил был хорошо осведомлён о настойчивых попытках свергнуть слабого царя, и это могло произойти ещё до прихода князя-спасителя в Москву, тогда его встречали бы уже как государя.

Его думы и предположения остались при нём: Михаил Скопин-Шуйский является в нашей истории фигурой весьма закрытой: мы знаем его славные дела и не слышим слов. Так или иначе, Александрова слобода пять месяцев являлась как бы второй столицей, и после освобождения Троицкой лавры войско медленно подвигалось к Москве, устраивая засеки и острожки от нападения польской конницы.

Сначала Скопин подошёл к Троицкой лавре, где был радостно встречен немногими уцелевшими в битвах её защитниками. Достаточно сказать, что к

концу осады в монастыре оставалось лишь 200 воинов и шесть иноков. В конце февраля Скопин подступил к Дмитрову, где засел Сапега, отступивший от Троицкой лавры. Сапега вышел навстречу и был разбит, вынужденный снова запереться в городе, а в начале марта, не дождавшись ниоткуда помощи, покинул Дмитров и удалился в Волок Ламский, а оттуда на берег реки Угры. После отступления Сапеги князь Роман Рожинский, ещё оставшийся в Тушине, оказался под угрозой наступления войска Скопина-Шуйского. Гетман приказал зажечь тушинский табор и направился в том же направлении, что и Сапега, остановился в Иосифовом монастыре под Волоком Ламским. Большая часть тушинцев последовала в Калугу либо в Москву. Тушинский лагерь, долгое время угрожавший Москве, распался без всякой битвы благодаря вмешательству в русские дела короля Сигизмунда.

12 марта 1610 года князь Михаил Скопин торжественно вступил в Москву. К этому времени Москва обрела свободу, о чём скажем позже. Народ восторженно встречал героя-освободителя хлебом-солью ещё на Троицкой дороге, падали на колени, восклицали, величая князя Скопина отцом отечества. Василий встретил князя со слезами благодарности, оказал много чести и шведским его соратникам. Восторг был всеобщий, только брат Василиев Дмитрий, наблюдая за процессией с городского вала, якобы произнёс: «Вот идёт мой соперник!» Здесь имеет место домысливание летописца: несомненно, он так думал, но не мог говорить вслух, давая заранее улики против себя. И почему он должен стоять на городском валу, а не рядом с царём и его свитой?

Въезд в Москву сопровождался таким ликованием и почестями, как будто Скопин-Шуйский был без пяти минут царём. Начались счастливые пиры, бояре наперебой зазывали в гости своих избавителей, князя Михаила и Якоба Делагарди с товарищами.

Москва, бывшая ещё недавно столицей без государства, как верно выразился Карамзин, счастливо праздновала своё освобождение, более месяца продолжая славить героя князя, между тем как он готовился к новым подвигам, прежде всего к походу на Смоленск для изгнания короля Сигизмунда.

Дмитрий, ревниво наблюдавший за проявлениями всенародной любви к троюродному племяннику, затмившему его, оклеветал его перед царём, дескать, князь Скопин уже примеривает на себя царский венец. Пишут, что Василий осерчал на брата и даже ударил его посохом, что, конечно же, выдумка.

Василий колебался. Надо было отправлять войско к Смоленску, а бездействие продолжалось. Кого поставить во главе? По всему получалось, что главным воеводой должен теперь стать удачливый Михаил Скопин, но тогда надо идти на разрыв с братом Дмитрием, привыкшим возглавлять войско ещё со времён Бориса Годунова. Если оставить его главным воеводой, народ возмутится: все хотят видеть впереди только своего героя.

Вопрос взаимоотношений Михаила Скопина с дядей Василием Ивановичем остаётся не прояснённым. Мы не можем с уверенностью сказать, что предложение Ляпунова было решительно отвергнуто Скопиным, хотя, объясняясь с царём, Михаил будто бы заверял его в своей невинности. Но вот в «Дневнике осады Смоленска польским королём Сигизмундом III», который вели королевские секретари, читаем иные сведения: «2 мая. Пан староста Велижский (*Александр Гонсевский*. – *Ю.Б.*) донёс королевскому войску о получении известия из Ржева, что Скопин поссорился с Василием Шуйским под столицей, что дошло до сильной битвы и что с обеих сторон было много убитых». Неужели, в самом деле, между ними была сильная битва? От кого мог получить такие известия Гонсевский? В других источниках подобных сведений нет, поэтому они неправдоподобны. Надо сказать, что Сигизмунд внимательно следил за всеми действиями Михаила Скопина, заставлявшего короля тревожиться за свои планы короноваться в Москве. В том же «Дневнике» по-другому сказано о встрече Шуйского с племянником. Досаду на ликование, с которым народ встретил юного героя, Шуйский велел Скопину тотчас явиться в Кремль. Там царь встретил его следующими словами: «Благодарю тебя за верную службу, оказанную мне и государству моему, но не благодарю за то, что подыскиваешься под мою державу». Скопин отвечал: «Я о державе не помышляю, но тебе советую отказаться от неё и от управления государством, ибо видишь, что счастье не благоприятствует твоему царствованию и что смятения не прекратятся, пока не изберём себе государя царского происхождения». Василий не оскорбился и сказал: «Я охотно оставлю царский посох, только прежде очисти всю Москву от литвы, а потом избирайте кого угодно».

Разумеется, нельзя относиться с доверием к польским источникам, но несомненно, что князь Михаил Скопин-Шуйский представлял опасность для всех искателей Московского трона, в том числе и для Лжедмитрия II.

У Дмитрия Ивановича Шуйского было два основания для зависти и беспокойства. Во-первых, до

сих пор он был главным воеводой царского войска, хотя и бездарным, а в случае похода на Смоленск во главе войска теперь становился князь Михаил, и легко было представить, на какую высоту славы вознесла бы его победа над польским королём. Второе беспокойство проистекало из первого: поскольку у Василия Шуйского, поздно женившегося, была только дочь, скончавшаяся в младенчестве, Дмитрий намеревался стать преемником старшего брата. Теперь выходило, что планы эти рушились, ибо появился герой, любимый народом до безмерности, именем которого воодушевлялась вся Россия, с которым связывала свои надежды на скорое очищение от врагов всего Государства Московского. Уже всем хотелось видеть на месте старого бездетного Василия молодого, деятельного и удачливого Михаила.

К сему примешивалось и суеверное мнение, имевшее большое влияние на людей того времени. Пошли слухи о предсказаниях ведунов о скором воцарении в России государя, имя которому будет Михаил. Такое пророчество было легко пустить в мир, зная всенародную любовь к Скопину-Шуйскому. Разумеется, после внушений брата и в сердце престарелого царя Василия поселилось смятение. Он колебался, оттягивал назначение Михаила Скопина главным воеводой в походе на Смоленск, опасаясь обидеть Дмитрия.

Товарищ Скопина по оружию Делагарди, видя зависть и скрытую неприязнь к нему Шуйских и других бояр, тоже мечтавших о царском венце после Василия, советовал князю поскорей уйти из Москвы. Ещё когда Скопин находился в Александровой слободе, мать будто бы остерегала его не спешить в Москву, где его ждут «звери лютые, пышущие ядом змеиным».

23 апреля князь Михаил Скопин пировал на крестинах у князя Ивана Воротынского, ему вдруг сделалось плохо, пошла носом кровь и не останавливалась. Его отвезли домой, где он промаялся две недели и скончался на руках матери и жены Головиной Анастасии Васильевны. Тотчас распространилось общее убеждение, что его испортила жена Дмитрия Шуйского Екатерина (дочь Малюты Скуратова), поднеся чашу мёда с отравой. Москва содрогнулась от такой вести, огласилась воплем и плачем. Особенно неутешны были родственники и боевые соратники Скопина. Толпа сразу двинулась к дому князя Дмитрия, и лишь вмешательство царя, приславшего свою дружину, остерегло его брата от расправы. Доказательств отравления князя не было, понятно, что царь Василий не собирался доискиваться их, хотя случившееся оказалось последним сильнейшим ударом для него, и

удар этот нанёс родной брат Дмитрий, избавившийся от соперника. Все надежды на выдворение Сигизмунда из-под Смоленска, на окончательный разгром Тушинского вора, на удержание трона рухнули в одночасье. Только присутствие молодого, сильного и храброго воителя князя Михаила, не отягощенного никакими корыстями и дворцовыми интригами, первого по знатности происхождения, оживляло бодрость и веру россиян в благословенного героя, в победу над врагами отечества.

Михаил Скопин был велик ростом, так что не сразу нашли подходящий гроб. Сознывая тяжесть собственной утраты, Василий Шуйский искренне лил слёзы, сопровождая гроб племянника в Архангельский собор, где его похоронили по требованию народа с честью, рядом с царями и великими князьями. Безусловно, он был бы избран царём и тогда династия Шуйских продолжилась бы, не потребовалось бы ополчение Минина и Пожарского и избрание слабого здоровьем юноги Михаила Романова.

С.Соловьёв, а вслед за ним К.Валишевский и другие историки считали, что Михаил Скопин не успел проявить себя как военачальник, не одержал ни одной блестящей победы. Согласимся, Скопин не отличился в битвах, подобных Куликову полю, его героизм оказался иного свойства: он показал искусство стратега, победно пройдя от Новгорода до Москвы без поражений верно избранным маршрутом, воодушевляя на борьбу с тушинцами весь северный край. Посмотрите, сколько, пусть не грандиозных, сражений выиграно им: Каменка, Тверь, Калязин, Переславль, Александра слобода, Троицкая лавра, Дмитров. Исполняя замысел царя, он отправил из Вологды на Ярославль воеводу Никиту Вышеславцева, взявшего ряд городов (Пошехонье, Рыбную Слободу, Романов, Ярославль), то есть действовал масштабно, как полководец. А ещё свой знаменитый рейд по городам волжского Понизовья совершил Фёдор Шереметев. Здесь надо сказать похвальное слово царю Василию, действовавшему в чрезвычайной обстановке бодро и обдуманно. Движение одновременно тремя потоками на Москву было его стратегическим планом освобождения северо-восточной Руси, Скопин и Шереметев осуществили этот план.

И нельзя согласиться, что Михаил одерживал победы только благодаря шведам. Помощь, конечно, была значительная, и в немалой степени морального плана – присутствие шведов поднимало боевой дух в полках Скопина, в осаждённых Троице и Москве, во всей России. В обстановке полного хаоса и безнарядья появился Герой, в которого все поверили, на которого надеялись как на избавите-

ля отечества. И уж не важно было, что Сигизмунд своим вмешательством развалил Тушинский стан и тем помог Скопину легко войти в столицу, важен был результат – очищение Московского государства началось, и в этом была огромная заслуга князя Михаила, и это было по достоинству оценено ликующими москвитянами.

Лучше других знал Михаила Васильевича Скопина-Шуйского его соратник шведский генерал Якоб Делагарди. Прощаясь с боевым товарищем, он произнёс: «Московские люди, не только в вашей Руси, но и в землях государя моего, не видать уже мне такого человека».

«Личность эта быстро промелькнула в нашей истории, – говорит Н.Костомаров, – но с блеском и славою, оставила по себе поэтические печальные воспоминания. Характер этого человека, к большому сожалению, по скудости источников, остаётся недостаточно ясным, несомненно только, что это был человек необыкновенных способностей».

Нет сомнения, в пантеоне национальных героев России Михаил Скопин-Шуйский должен занимать достойное место.

ВТОРЖЕНИЕ СИГИЗМУНДА И РАСПАД ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ

Польский двор внимательно наблюдал за событиями в России. Смута, поощряемая Варшавой, была в самом разгаре, что ослабляло и Василия Шуйского, и тушинского царька и устраивало Польшу. Долгое противостояние Москвы и Тушина говорило о некотором равновесии сил. Сигизмунд, никак не заинтересованный в поддержке Шуйского, имел официальные сношения с ним, давая понять, что польские, литовские и казацкие отряды действуют в России самовольно, без поощрения правительства.

Хотя второй самозванец был испечён в той же польской печке, доверия к нему было меньше, чем к первому, потому что все видели в нём явного обманщика, прозванного вором. В королевском дневнике секретари записали буквально следующее о нём: «Он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, страшный хульник, пьяница, развратник... у него после побега нашли Талмуд». Мог ли монарх польский показывать какое-то сближение, иметь договорённости без потери своего достоинства с человеком низкого и тёмного происхождения? Если первый самозванец после воцарения забыл о своих обещаниях Смоленска и Северских городов, то можно ли было надеяться, что не последует его примеру

и второй? Тем более что первый принял католичество, а этот всячески показывал свою приверженность к православию. И хотя старый воевода Мнишек деятельно интриговал при краковском дворе в пользу второго ложного зятя, имея в виду получить от него обещанное первым Лжедмитрием, король не поддался такому склонению: личные выгоды ему были дороже.

Уже не раз Сигизмунду поступали предложения от московских бояр отпустить на московский престол сына Владислава, а может быть, и самому занять его, и то и другое было заманчиво: почему бы не создать тройную унию, если получилась польско-литовская? На деле всё выглядело сложней. В Москве непременно потребуют от Владислава крещения в православие. По другому соображению, очевидно было, что царствование в Московском государстве сопряжено с большими опасностями, чему пример Фёдора Годунова и первого самозванца. При обсуждении этих вопросов в придворном кругу и в сенате было решено начать с отвоевания прежних польско-литовских земель. Коронный гетман Жолкевский советовал идти привычным маршрутом через Северский край, где не ожидалось большого сопротивления, другие, в том числе литовский канцлер Лев Сапега и бывший посол Александр Гонсевский, прежде задержанный Шуйским в Москве, предлагали начать со Смоленска, который, несмотря на мощную крепость, построенную Годуновым, может отворить ворота перед польским королём.

Когда в Варшаве узнали о продвижении соединённого русско-шведского войска к Москве, стало понятно, что с вторжением в Россию медлить нельзя. Успехи Скопина показывали возможность торжества Василия Шуйского и окончания Смуты, а это не входило в планы польского двора. Казалось, Шуйский и Лжедмитрий достаточно измотали силы друг друга, и это сулило успех походу короля.

В середине сентября 1609 года Сигизмунд подступил к Смоленску и начал его осаду. Оказалось, все, убеждавшие короля в готовности россиян встретить его без сопротивления, ввели его в заблуждение.

Сигизмунд обратился к жителям Смоленска с универсалом, в котором заверял, что идёт освободить Россию, наказанную Богом за междоусобие незаконных государей, и надеется, что смоляне встретят его хлебом-солью. Обещал, как обычно, милости, а прислушании грозил мечом. Жители Смоленска, затворившиеся в крепости вместе с воеводами и архиепископом Сергием, ответили непоколебимо: «Мы в храме Богородицы дали

обет не изменять государю нашему, Василию Иоанновичу, а тебе, Литовскому Королю и твоим панам не раболепствовать вовеки». Надо было начинать осаду, которая обещала быть затяжной.

Героем смоленской обороны явился воевода боярин Михаил Борисович Шеин. По его предложению жители левого берега Днепра сожгли свои посады и перебрались под защиту стен крепости. Они были новыми и надёжными, на них размещалось до 300 пушек; имелось достаточное количество пороха, ядер и продовольствия. Не хватало ратников, три тысячи их были отправлены на помощь князю Скопину. Шеин просил подмоги у царя Василия, привёл к присяге стоять насмерть всех защитников крепости, распределил стрельцов и пушкарей по участкам стены. Василий, заслонённый тушинским табором, помощи не прислал, пришлось рассчитывать на собственные силы.

Выстрелы польских пушек не причиняли большого вреда крепким стенам крепости. Защитники отвечали залпами своих пушек. Число нападавших увеличилось с приходом примерно 30 тысяч запорожцев, но несколько ночных приступов были отбиты, не удалось даже ворваться в ворота, которые были взорваны. Несколько подкопов, производимых королевскими сапёрами, также не имели успеха: они были вовремя обнаружены и взорваны защитниками крепости. Сигизмунд решил позвать к себе польские отряды, находившиеся в Тушине, и сапежинцев, стоявших под Троицей, для чего отправил в Тушино посольство.

Поляки, состоявшие на службе у самозванца, обеспокоенные действиями короля, направленными на отстранение претендента, мешавшего ему теперь, боялись потерять обещанные награды. Больше всех терял Рожинский, являвшийся гетманом при Лжедмитрии и не желавший расстаться со своим высоким чином. Он созвал тушинских военачальников и создал союз или конфедерацию против действий короля. Конфедераты постановили держаться тушинского Дмитрия, дабы получить от него задолженное жалование, когда он сядет на престол, и послали сказать королю, что он отнимает у них плоды почти уже достигнутой победы. Король ответил твёрдо: «... искать славы и корысти беззаконием, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дело не граждан свободных, а людей хищных и диких».

Сигизмунд, ведя затяжную осаду Смоленска, начал многоходовые сношения с Рожинским, Сапегой, тушинскими изменниками, Василием Шуйским и даже с самозванцем через своих сенаторов, гнушаясь лично вступать в переписку. Снарядив послов в Тушинский лагерь: панов Стадницкого,

Збараского, Тышкевича, он дал им письмо и к Василию Шуйскому, в котором объяснял причину вторжения в Россию. А ещё направил грамоту патриарху Гермогену, всему духовенству и гражданам, в которой обещал им спокойствие и сохранение православной веры под его державной рукой, уже намекая на то, что и сам не прочь воцариться в Москве. Шуйский отверг всякие переговоры по поводу отдачи Смоленска и Северских областей. А между тем король прибирал эти области к рукам, ему покорились Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Рославль.

Послов встречал Рожинский, потому что Лжедмитрий их не интересовал. Пригласили также представителей Сапеги. Конфедераты выставили требование выплатить им два миллиона злотых, на что послы резонно ответили, что они служили не королю, а Дмитрию. Предлагали также, чтобы король, взяв Смоленск и Северскую землю, вернулся в Польшу, но прислал бы войско под Москву, что тоже было невыполнимо. Ясно было, что сильная сторона в переговорах – король, поэтому тушинцам пришлось идти на уступки. В переговорах участвовал наречённый по произволу Тушинского вора патриархом Филарет Никитич Романов.

Лжедмитрий и Марина, отстранённые от переговоров, наблюдали за происходящим лишь из окон своего терема. Самозванец, и прежде унижаемый гетманом, попытался узнать, о чём договариваются с послами, Рожинский уклонился от ответа. Униженный и возмущённый самозванец напомнил, что он царь.

– Чёрт тебя знает, кто ты таков! – дерзко ответил гетман и даже спяну обругал бродягой.

Что должен был чувствовать тушинский царёк, поначалу упивавшийся лестью приближённых, а теперь оказавшийся ненужным никому? Он был жалок. Более того, чутьё подсказывало ему, что от него постараются избавиться так же, как и от Шуйского: все властные нити сходились теперь в руках короля.

Встревоженный самозванец объявил о своих опасениях Марине и ночью, переодевшись в крестьянские одежды и сев в навозные сани, бежал в сопровождении отряда казаков в Калугу, которую преподнёс ранее Марине как подарок. Авраамий Палицын пишет: «И того бо ради окаянный утече, понеже нецый от козаков тайно возвестиша ему, яко поляки, ждущее князя Михайла, и того хотящее его отдати в царствующий град». По другим сведениям, что вернее, князь Михаил Салтыков и Рожинский намеревались выдать тушинского царька королю Сигизмунду.

Когда утром узнали об исчезновении мнимого

царя, в лагере поднялась тревога: вместе с беглецом пропали надежды поляков получить от него требуемое жалованье. Начался грабёж «царёва» имущества. Поднялся бунт на Рожинского, упустившего самозванца, едва он утих, как присланные из Калуги люди доставили письма от спасшегося Тушинского вора, оправившегося от испуга и приглашавшего к себе тех, кто останется верен ему. После этого большинство поляков склонилось в сторону короля, другие готовы были идти в Калугу, к чему призывала и Марина, не отказавшаяся от роли царицы. Послы предлагали ей вернуться в Польшу, она гордо ответствовала своему дяде пану Станиславу Стадницкому, возглавлявшему послов: «Ваша милость должна помнить, что кого Бог раз осиял блеском царственного величия, тот не потеряет этого блеска, как солнце не теряет его от случайно заслонившего его облака». В том же духе писала она королю: «Счастье меня оставило, но не лишило права Властительного, утверждённого моим Царским венчанием...» Марина всё ещё старалась выставить своё мнимое царское величие.

Казаки, не желавшие служить королю, потянулись в Калугу, за ними двинулись московские изменники, служившие Тушинскому вору. От них было решено направить посольство к Сигизмунду. В него входила большая числом делегация изменников во главе с боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым и его сыном Иваном, князьями Василием Мосальским, Фёдором Мещерским, Юрием Хворостининым, дяками Грамотиным и Андроновым. Здесь же находился один из главных заводчиков Смуты дворянин Михаил Молчанов, выдававший себя за Дмитрия, пока не нашли исполнителя этой роли. Все хотели в числе первых бить челом королю в надежде на его милости.

Король принял послов радушно. Первым говорил Михаил Салтыков, заявивший о желании русского народа пойти под его державную руку, благодаривший от имени Филарета и всего духовенства, но главным было другое – послы просили короля дать на Московское царство королевича Владислава и ни в чём не нарушать православной веры. Самым трудным являлся вопрос принятия королевичем православия. Далее следовали условия – кого и как судить, кому давать поместья и вотчины и прочее. Сигизмунд милостиво выслушал послов, но потребовал до воцарения Владислава присягнуть ему, Сигизмунду, что и было выполнено. Послы-изменники, окончательно потерявшие усердие к самозванцу, опасавшиеся торжества Шуйского, грозящего им гибелью, не очень верили в свой проект отдать московский престол Владиславу и

надеялись теперь только на милость короля Сигизмунда. В этом убедило их и дальнейшее продолжение переговоров с сенаторами. «Обрадованные вступлением Короля в Россию, мы тайно снеслись с людьми знатнейшими в Москве, сведили их единомыслие с нами и давно прибегнули бы к Сигизмунду, если бы ляхи Лжедмитриевы тому не противились, – говорили послы, готовые на любые уступки ради своих интересов. – Ныне же, когда вожди и войско готовы повиноваться законному монарху... смело убеждаем его величество дать нам сына в цари. Вся Россия встретит царя вождёленного с радостью; города и крепости отворят врата; патриарх и духовенство благословят его усердно». Просили Сигизмунда идти к Москве немедленно: «Мы впереди: укажем ему путь и средства взять столицу, сами свергнем и истребим Шуйского как жертву, уже давно обречённую на гибель». Предатели торговали московским престолом и жизнью законного царя Василия Шуйского, называя его похитителем трона ради своих шкурных интересов, забыв о чести и Отечестве. Особенно усердствовал в изменничестве глава делегации боярин Салтыков Михаил Глебович⁸, поплатившийся впоследствии мученической смертью своего сына Ивана.

Ссылаясь на результаты переговоров, Сигизмунд потребовал от воеводы Шеина открыть крепость, об этом же просили и тушинские послы. Шеин остался непреклонен.

Мы оставили в Тушине Марину, покинутую всеми. Её достоинство было уязвлено дурным обращением с ней оставшихся тушинцев, оскорблениями с их стороны, когда её сравнивали с развратными женщинами. Она упорствовала, отстаивая свою честь, и заявляла, что никогда не откажется от сана царицы. Что было ей предпринять? Оставалось последовать за мнимым мужем. К.Валишевский сообщает некоторые подробности её побега из Тушина: тоже ночью, тоже с переодеванием. «Переодетая московским солдатом, с бараньей шапкой на голове, с колчаном стрел за плечами, она покинула Тушино ночью в сопровождении только своей старой горничной Варвары Казановской и пажа, который, быть может, был подослан самозванцем, Ивана Плещеева-Глазуна...»

Якобы она сбилась с дороги и попала в Дмитров, где в то время сидел Сапега. Скорее всего, она явилась сюда потому, что гетман всегда относился к ней учтиво и вежливо и она рассчитывала получить от него какой-то отряд для сопровождения в Калугу. В Дмитрове Марина оказалась в тот момент, когда Сапегу теснил Скопин-Шуйский, своим присутствием и пламенной речью она ободрила польских рыцарей и казаков, сумевших отбить

приступ. Гетман уговаривал её остаться в Дмитрове, но она предпочла ехать в Калугу, где могла величаться царицей. К тому же были опасения, что он выдаст её королю. Сапега дал ей для сопровождения 50 казаков и наёмных немцев, а по дороге её догнал брат Станислав, кастелян Саноцкий, привезший из Тушина её женскую прислугу.

В Калугу Марина явилась уже в гусарском наряде: красном бархатном кафтане, в сапогах со шпорами, с саблей и двумя пистолетами за поясом, что вызвало восторг не только войска, но и жителей Калуги, приобретавшей теперь статус новой столицы взамен утраченного Тушина. Лжедмитрий чувствовал себя здесь уверенней и спокойней, избавившись от грубого вмешательства Рожинского. Войско «царька» снова стало усиливаться за счёт притока казаков и холопов.

Что касается Сапеги, то он, оставив войско на берегах Угры, побывал у короля под Смоленском и, вероятно, с ведома его и брата Льва Сапеги тоже оказался в Калуге, примкнув к Лжедмитрию. Ездил к королю и гетман Роман Рожинский, расположившийся в каменном монастыре Иосифа Волоцкого, но с другой целью: продолжал выставлять свои требования и, не найдя удовлетворения, разболелся и скончался в возрасте 35 лет. Войско его распалось: большая часть тоже ушла к самозванцу, другая, во главе с Александром Зборовским, предпочла служить королю. Оставшиеся в монастыре поляки попытались ночью уйти от осадившего их отряда Григория Валуева, но были настигнуты, в результате чего были отбиты некоторые знатные пленники, в том числе тушинский патриарх Филарет (и одновременно Ростовский митрополит).

Оставим на время Калугу и вернёмся к московским делам.

КЛУШИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ. СМЯТИЕНИЕ В МОСКВЕ

Смерть князя Михаила Скопина поставила Москву в сложное положение в то время, когда всё складывалось удачно и угадывались новые успехи в борьбе с крамольниками и польскими захватчиками. Главным воеводой, как ожидалось, Василий Шуйский назначил своего брата Дмитрия, не любимого войском и вызывавшего негодование Делагарди. Понять Василия Ивановича можно, потому что опасно было кому-либо из бояр довериться в обстановке постоянных измен.

Военные действия пока велись на отдельных направлениях. Воевода Барятинский и швед

Эверт Горн осаждали крепость Белую, в которой засел Александр Гонсевский. Главные силы во главе с бездарным воеводой Дмитрием Шуйским остановились в Можайске, поджидая Делагарди. Король решил двинуться навстречу, поручив войско Яну Потоцкому, осаждавшему Смоленск, тот уклонился от этого назначения, желая остаться фаворитом при короле. Тогда командовать войском перед решающим сражением был утверждён коронный гетман Жолкевский, направившийся на выручку Гонсевского к крепости Белой, а затем к Царёву Займищу, где укрепился упоминаемый выше воевода Григорий Валуев. Понимая превосходство польских сил, Валуев просил помощи у Дмитрия Шуйского.

Русское войско насчитывало от 30 до 40 тысяч, польское вдвое меньше, но поляки были более искусными в военном ремесле рыцарями, возглавляемые опытным полководцем, а русское войско было разнородным и менее профессиональным. Русские умели стойко держать оборону в крепостях, а в открытых сражениях часто уступали иноземцам. Была надежда на Делагарди, хотя он уже терпел поражение от Жолкевского в Ливонии и даже был им взят в плен. Но, самое главное, не могло быть прежнего вдохновляющего дружества между нашими военачальниками, какое было у Скопина с Делагарди. Шведский генерал относился к Дмитрию Шуйскому с презрением, ни о каком боевом товариществе не было и речи. Холодность этих взаимоотношений передавалась и войску, терпевшему воодушевление.

Кроме шведов в русском войске было немало немцев, французов и других наёмников, постоянно требовавших денег, но не показывавших воинского рвения. Уже Делагарди не мог обуздать своих наёмников, среди которых усилился ропот. Требовали жалованья. Царь Василий отправил их к Делагарди, а тот придержал их в расчёте раздать оплату после битвы, когда останется меньше ратников. Разброд дошёл до грабежа собственных обозов и откровенной измены наёмников. Дмитрий Шуйский, соединившись с Делагарди и Горном, двинулся навстречу неприятелю к Царёву Займищу и остановился верстах в двадцати от него около села Клушина. Устроив стан и не ожидая нападения неприятеля, беспечный воевода вечером пировал с иноземными начальниками, а ночью крепко спал, в то время как Жолкевский занимался разведкой и получал сведения от перебежчиков. Для сдерживания Григория Валуева в Займище он оставил небольшой отряд, а с основными силами наутро 24 июня 1610 года ударил на русский стан. Пользуясь сумятицей, польские гусары

опрокинули не изготовившуюся к бою русскую конницу. Делагарди попытался прийти на помощь, но и его конники были обращены в бегство, повернули в сторону леса. Действия московского войска были хаотичны, оно утратило тот порядок, который держался на авторитете и личном обаянии князя Скопина-Шуйского.

Дмитрию Шуйскому удалось засесть в самом Клушине, обнеся его временными укреплениями. Исход боя решился не только оружием, а изменой иноземцев, сначала перебежавших к полякам малыми группами, а затем под воздействием переговорщиков Жолковского и его посулов в случае перехода на службу к королю заключили соглашение с гетманом. Почти все французы и немцы ушли на сторону поляков, никакие уговоры и обещания Дмитрия Шуйского не могли остановить их. Взбунтовавшееся войско не смогли успокоить и Делагарди с Горном, по договорённости с гетманом, собрав оставшихся шведов, они были вынуждены бесславно уйти к своим пределам. Якоб Делагарди, уже побывавший однажды в плену у Жолковского, не стал испытывать судьбу, чтобы не унизиться ещё раз.

Покинутый иноземцами Дмитрий Шуйский едва спасся бегством, бросив всё имущество и обозы. Конь его якобы увяз в болоте, воевода не мог даже выволить из трясины сапоги и добирался до Можайска босиком. Вероятно, это придумка для вящего посрамления бесталанного главнокомандующего: ведь не в одиночку он спасался бегством, должен был находиться при нём какой-то отряд надёжных всадников. Брошены были 11 пушек, снаряд к ним и всё обозное имущество.

Победитель Жолковский, несмотря на усталость войска, вернулся в Царёво Займище и, внушив Валугеву, что Москва готова присягнуть королевичу Владиславу, склонил его присоединиться со своим отрядом к королевскому войску. Таким образом, оно увеличилось до двадцати тысяч. С такой внушительной силой гетман вступил в Можайск, жители которого присягнули Владиславу.

Не надеясь взять Москву силой, Жолковский принимал иные усилия для скорого низвержения Василия Шуйского, приводя к присяге Владиславу ближние подмосковные города. Обратился с воззванием и к жителям столицы, в котором говорилось: «Виною всех ваших зол есть Шуйский: от него Царство в крови и пепле. Для одного ли человека гибнуть миллионам? Спасение перед вами: победоносное войско Королевское и новый царь благодатный: да здравствует Владислав!»

Надо ли говорить, что в смятенной горестным поражением под Клушином Москве многие сог-

ласны были принять призыв коварного гетмана, который действовал, опережая самого короля? Шуйский тщетно взывал о помощи, рассылая гонцов во все города.

Одновременно возникла и другая угроза. Узнав о движении польского войска, к Москве поспешил из Калуги ложный Дмитрий с примкнувшим к нему Сапегой. Василий надеялся остановить его с помощью призванных сыновей крымского хана, но те потерпели поражение под Серпуховом и удалились. В июле Сапега осадил лежавший на пути Боровский монастырь, как было сказано, устроив кровавую бойню, в которой с честью погиб и воевода князь Михаил Волконский. Присягнули самозванцу Кашира и Коломна, стойко держался только Зарайск, возглавляемый князем Дмитрием Пожарским. К тому же на сторону самозванца встал рязанский Прокопий Ляпунов, который после подстрекательского предложения Михаилу Скопину не мог рассчитывать на милость Василия Шуйского. В Москве Ляпунов крамольствовал против Шуйского совместно с князем Василием Голицыным.

Москва являла зрелище печальное. С двух сторон ей угрожали войска Жолковского и самозванца, остановившегося в селе Коломенском. Всякая надежда покинула царя Василия, его распоряжения уже оставались без исполнения; во дворце царило уныние, на улицах кипело мятежное многолюдство, открыто требовавшее свержения неблагословенного государя. Шуйский сидел в Кремле, полагаясь в решении своей судьбы только на Бога. Вопрос был в другом: кого призвать на московский трон? Все знали ложь про спасшегося Дмитрия и презирали самозванца, называемого вором. Другие не хотели видеть на царстве королевича Владислава, иноверца, представителя вражеской Польши. Лозунгом буйных братьев Ляпуновых было: ни самозванца, ни ляхов! Решено было снестись с князьями и дворянами, пристававшими к самозванцу, чтобы принять общий договор.

Съехались у Данилова монастыря. Условились на следующем: московские бояре сведут с трона Василия, самозванцевы окруженцы предадут своего царька, затем вместе изберут нового царя и выступят против ляхов. Договор огласили брат Прокопия Ляпунова Захарий и думный дворянин Хомутов при стечении народа на Красной площади, что вызвало общее одобрение. Делегация пришла к Василию Шуйскому с предложением оставить престол, царь ответил негодованием.

Самыми активными участниками заговора против Василия Шуйского являлись братья Ляпуно-

вы, которым грозила месть царя за их крамольную грамоту, присланную Михаилу Скопину в Александрову слободу.

НИЗЛОЖЕНИЕ ШУЙСКОГО. СЕМИБОЯРЩИНА

Толпа дворян и детей боярских, подстрекаемая князем Василием Голицыным и Захарием Ляпуновым, явилась во дворец к Василию Шуйскому с требованием, чтобы он сложил с себя венец. Царь ответил негодованием. Тогда заговорщики призвали патриарха и бояр и вывели многолюдную толпу за Серпуховские ворота, назвав это собрание народной Думой. Перечисляли вины Шуйского: похитил престол не по выбору всей земли, потерял все южные города, допустил отравление племянника, коему надлежало спасти Россию. Возражал лишь стойкий Гермоген, говоривший твёрдо, что «измена царю есть злодейство, всегда казнимое Богом». Патриарха не слушали, и он удалился. Тут же народным сходом (Думой) постановили:

«1) бить челом Василию, да оставит Царство и да возьмёт себе в удел Нижний Новгород;
2) целовать крест всем миром в неизменной верности к Церкви и Государству для истребления их злодеев, ляхов и Лжедмитрия;
3) всею землею выбрать в цари кого Бог даст; а между тем управлять ею боярам, князю Милославскому с товарищами, коих власть и суд будут священны...»

17 июля 1610 года в Кремль к Василию Шуйскому явились посланные князь Иван Воротынский, Захарий Ляпунов и другие, объявили приговор народной Думы, как был назван общий сход на Красной площади. Ляпунов сказал коротко: «Василий Иванович, ты не умел царствовать, отдай же венец и скипетр!» Василий, привыкший сохранять присутствие духа в любой ситуации, возмущённо встал против дерзкого Ляпунова и даже выхватил нож, но что мог поделать старик с могучим великаном? Остальные действовали на царя уговором, он отказывался соглашаться и подчинился только силе. Его и жену отвели в боярский дом Шуйского, приставив в охрану стрельцов. Власть в Московском государстве перешла к боярской Думе во главе со старейшим боярином Фёдором Ивановичем Мстиславским.

Какая безысходность теснила грудь старого Шуйского, какие горькие мысли печалили его, можно только догадываться. Кажется, недавно он собирал в своём доме заговорщиков против расстриги, а ныне заперт под домашний арест. Ему ли, опытному царедворцу, не знать, чем это гро-

зит: свежа в памяти расправа с Фёдором Годуновым и его матерью. Даже если дадут в удел Нижний Новгород, опасность не минует, ибо и здесь может настигнуть яд или кинжал. Как не вспомнить уglichский удел Нагих и судьбу царевича Дмитрия? Ему более других было известно, что «шаг с престола есть шаг к могиле».

Съехавшись в очередной раз у Данилова монастыря, московские люди доложили приверженцам Лжедмитрия о низложении царя Василия и напомнили о таком же обещании в отношении воровского царька. Тушинские изменники обманули московских переговорщиков, нагло заявив: «Вы ссадили с трона царя беззаконного, а мы служим истинному наследнику Иоанна. Да здравствует Дмитрий!» Москва была возмущена таким коварством. В этой ситуации патриарх Гермоген увещевал бояр и народ вернуть Василия на царство, но уже было поздно: боялись, что Шуйский начнёт мстить за своё унижение.

Следующим утром в доме Василия Шуйского появились всё тот же Захарий Ляпунов, князь Пётр Засекин, Василий Тюфякин с иноками и священниками, дабы совершить обряд пострижения и тем удалить низложенного царя от мира без расправы над ним. Шуйский готов был умереть в царском звании, сопротивлялся, кричал: «Никогда не буду монахом!», его крепко держали и постригли насильно, отправив уже в монашеской одежде в Чудов монастырь. Постригли и его молодую жену Марию Петровну, определив ей место в Вознесенском монастыре. К братьям, Дмитрию и Ивану, приставили стражу.

Так печально закончилось правление царя-несчастливца Василия Ивановича Шуйского, ещё не испившего до конца чашу унижений и горестей. При всём его старании быть добродетельным, справедливым отцом Отечества несчастья одно за другим обрушивались на Московское государство. Он пытался предотвратить их, проявляя деятельность и твёрдость, но тщетно, потому что разброд и шатания в народе за несколько лет мятежного своеволия приобрели невиданный размах, что было названо впоследствии Смутным временем.

Повествуя о том, как Шуйский был сведён с престола, Н.Карамзин с сочувствием к нему писал: «Так Москва поступила с венценосцем, который хотел снискать ей и России любовь подчинением своей воли закону, бережливостью государственною, беспристрастием в наградах, умеренностью в наказаниях, терпимостью общественной свободы, ревностью к гражданскому образованию – который не изумлялся в самых чрезвычайных

бедствиях, оказывал неустранимость в бунтах, готовность умереть верным достоинству Монаршему и не был никогда столь знаменит, столь достоин престола, как свергаемый с оного изменою: влекомый в келью толпою злодеев, несчастный Шуйский являлся один истинно великодушным в мятежной столице...»

В том же духе оценил деятельность Василия Шуйского Д.П.Бутурлин: «Сим позорным действием прекратилось царствование царя Шуйского, ознаменованное величайшими из бедствий, каким только Россия подвергалась со времён татарского нашествия. Но несправедливо бы на него одного возлагать вину сих зол. Четырёхлетнее правление его было не что иное, как непрерывная борьба против начал, разрушающих общественное благоустройство, которые хотя и развились при нём, но коих зародыш был засеян ещё при Годунове. Может быть, никакая человеческая премудрость не в состоянии была усладить горькой чаши, оставленной Борисом в наследие своим преемникам! По крайней мере, Василий, хотя и в преклонных летах, явился кормчим бодрым и бесстрашным среди ужасных бурь, непрестанно воздымаемых разожжёнными страстями... Он пал, но не бесславно, и, выходя из царских чертогов, имел более права, чем Франциск I в Павии сказать: «Всё погибло, кроме чести!» Впрочем, он и тут ещё не погибал для истории. Развенчанному старцу суждено ещё было занять несколько прекрасных страниц в летописях Русского царства».

Эти слова двух авторитетных историков являются достойным ответом тем хулителям Василия Шуйского, которые считают его «никчемным и презираемым» царём. Кто другой мог бы выдерживать небывалое давление сразу двух полчищ, двинутых на Москву алчными претендентами на престол? Вряд ли Василий был причастен к гибели освободителя Москвы: не мог он рубить сук, на котором сидел. Он понимал, что по причине возраста и бездетности придётся передать скипетр Михаилу, но прежде хотел очистить Отечество от иноземных врагов и злодеев изменников, о чём и говорил, возлагая все надежды на победоносного племянника. Видимо, правда, что не было ему небесного благословения, но справедливо ли обвинять одного человека во всех бедах государства, столь расшатанного не по его вине?

И современники, и историки ставят в вину Василию Шуйскому то, что он был избран царём в спешке, не Собором (не всей землей), но ведь никто другой не клал голову на плаху, не взял на себя смелость избавить Россию от расстриги, и по родовитости он никак не уступал Василию Василь-

евичу Голицыну, а именно эти двое в тот момент только и могли претендовать на престол. Допустим, избрали бы царём В.Голицына, разве Смута прекратилась бы? Разве не появился бы второй Дмитрий, как появлялось много других ложных царевичей? Поэтому надо признать, что в обстановке всеобщего хаоса, измен и предательства Шуйский проявил достойную стойкость и мужество, которым был наделён от природы.

Начались поиски кандидата на Московский престол. Патриарх высказался в пользу Василия Васильевича Голицына, давно претендовавшего на такую честь. Ему возразил глава Думы Фёдор Мстиславский, дескать, боярские цари (Годунов и Шуйский) не принесли стране счастья. Среди претендентов мог быть Фёдор Никитич Романов, но он ещё пребывал в сане тушинского патриарха. Тогда Гермоген, считавший, что Москве нужен русский государь, указал на юного Михаила Романова, внука первой жены Грозного Анастасии, что оказалось преждевременно. В коломенском лагере Лжедмитрия раздавались даже голоса в пользу Яна Петра Сапеги, именуемого по-русски Иваном Павловичем. Калужским вором гнушались все, к одобрению оставалась только кандидатура королевича Владислава, имевшая преимущество перед боярскими выдвиженцами как ветвь державного рода.

Временное правительство, названное Семибоярщиной, в составе бояр Федора Мстиславского, Василия Голицына, Фёдора Шереметева, Ивана Воротынского, Ивана Романова, Андрея Трубецкого и Бориса Лыкова стало сноситься с гетманом Жолкевским, придвинувшимся к Москве 24 июля. При этом хитрый гетман пересылался грамотами и с Лжедмитрием, дабы избежать ненужного столкновения с ним. Обходительный Жолкевский благодаря своей дипломатии сумел склонить Думу на свою сторону. Бояре предпочли Тушинскому вору наследственного королевича.

2 августа бояре и Жолкевский съехались возле Новодевичьего монастыря. Боярское правительство согласилось принять на Московский престол королевича Владислава на условиях смоленского договора, в котором было сказано:

«1)...всем людям Московского государства бить челом великому Государю Сигизмунду, да пожелает им сына своего Владислава в цари, коего все россияне единодушно желают, целуя святой крест» (кто спрашивал их мнение? – Ю.Б.).

2) Королевичу Владиславу венчаться Царским венцом и диадемою от Святейшего патриарха и Духовенства Греческой церкви, как издревле венчались Самодержцы Российские.

3) Владиславу Царю блюсти и чтить святые хра-

мы, иконы и мощи целебные, Патриарха и все Духовенство...»

На эти вопросы Жолкевский давал уклончивые ответы, дескать, они требуют согласования с королём. Гетман должен был «отвести Сапегу и других ляхов от Лжедмитрия, вместе с боярами взять меры для его истребления». Дочери воеводы Сендомирского предписывалось покинуть Россию и не именоваться государыней Московской. Со всеми принятыми условиями надлежало отправить к Сигизмунду Великое Посольство.

Тут же, на Новодевичьем поле, гетман со своим окружением и бояре присягнули Владиславу. После этого в Успенском соборе стали приводить к присяге других чиновников и московских жителей. Явились и бывшие тушинцы, те, кто ездили под Смоленск заключать договор с королём: князя Салтыков, Мосальский, дворянин Молчанов, которого суровый Гермоген не допустил ко кресту как предателя и еретика.

Не получая известий от короля, Жолкевский действовал, сообразуясь с выгодой момента. Наконец от короля прибыл пан Гонсевский с указом, которым гетману предписывалось добиваться присяги московских людей не Владиславу, а самому Сигизмунду. Озадаченный гетман, действуя на свой риск, не стал беспокоить Москву новыми неисполнимыми требованиями.

Между тем Калужский вор продолжал попытки наступать на столицу, но московский гарнизон удачно их отражал. Бояре требовали от гетмана совместного наступления на самозванца в соответствии с договорённостью и согласились пропустить ночью польское войско через Москву, чтобы выйти к Коломенскому. Намеревались захватить самозванца. Он насторожился, опасаясь быть выданным гетману, и вместе с Мариной и в сопровождении казаков атамана Заруцкого немедленно отступил к Калуге. Русские изменники толпой вернулись в Москву, поспешив к присяге Владиславу.

Настала возможность отправить посольство к королю. Гетман устроил дело так, что в него были включены те, кого желательно было удалить из Москвы: Василий Васильевич Голицын, Филарет Никитич (теперь снова митрополит Ростовский), троичкий келарь Авраамий Палицын, Захарий Ляпунов и многие другие, вся посольская делегация насчитывала более тысячи человек. Предполагалось, что Владислав должен принять православие от митрополита Филарета и смоленского архиепископа Сергия в Смоленске, а в Москву прибыть уже православным государем. В наказе послам перечислялись все статьи принятого ранее договора с гетманом Жолкевским.

Наивно было верить в исполнение статей этих договорённостей, где повторялось как заклинание требование крещения Владислава в православие. Вряд ли и сами бояре московские надеялись добиться исполнения сего важного требования. Старались убедить себя, авось со временем всё как-то образуется: молодой царь женится на русской, свыкнется с московскими обычаями и т.п. С другой стороны, ни ревностный католик Сигизмунд, ни краковские вельможи, ни папа Римский не могли допустить исполнения столь важного условия, принятия иной религии Владиславом.

Пока посольство оставалось под Смоленском, Жолкевский, не надеясь на исполнение предложенных условий договора, после чего, несомненно, в Москве могут возникнуть новые возмущения, решил действовать незамедлительно в осуществлении своих целей. Главной из них было проникновение польских войск в Москву. Задача облегчалась тем, что после удаления с посольством влиятельных членов временного правительства здесь оставались только бояре Фёдор Мстиславский и Фёдор Шереметев, причём Мстиславский был расположен к гетману, поскольку был сторонником польской партии.

Когда в столицу явился первый отряд квартиреров польского войска, москвитяне взбунтовались. Возглавил это антипольское возмущение сам Гермоген, дескать, уже был печальный опыт, когда поляки своевольничали в Москве. Бояре во главе с Мстиславским старались успокоить возмущенных людей. Проницательный Жолкевский и тут извлёк свою выгоду из осложнившейся ситуации, он добивался выдачи Шуйских и теперь уверял, что возмущение исходит от них. Василий, Дмитрий и Иван Шуйские были выданы Гонсевскому. Опасаясь присутствия Шуйского в Москве, гетман уговорил бояр отправить его в Иосифов монастырь. Гермоген предугадывал замысел лукавого Жолкевского и предлагал отвезти Василия Шуйского в Соловецкую обитель, его не послушали. Жену Шуйского отправили в Суздаль, в Покровский монастырь. Позорная страница нашей истории! Но ещё более унижительные ждали Россию впереди.

По разрешению бояр гетман всё же ввёл войско ночью 21 сентября 1610 года. Польские полки расположились в Китай-городе, в Белом городе, а Гонсевский со своим полком занял даже Кремль. Здесь же поселился в доме Годунова Жолкевский. Обошлось без волнений и столкновений благодаря тому, что Жолкевский приказал строго не вызывать ссор с москвитянами. Дороги вокруг столицы освободили, обстановка несколько успокоилась. Гетман шёл

в осуществлении своих планов дальше: уже воеводы в города назначались правительством по согласованию с ним, и даже во главе 18 тысяч стрельцов московских удалось поставить Гонсевского, засевшего в Кремле, что раньше было честью самых доверенных людей государя.

В Москве уже властвовал вкрадчиво-обходительный гетман Станислав Жолкевский, умевший расположить к себе людей. Боярское правительство (Семибоярщина) соглашалось со всеми его предложениями. Главе Семибоярщины князю Фёдору Ивановичу Мстиславскому от имени Владислава он присвоил сан Конюшего, вроде бы польстил ему, а на самом деле унизил. Гетман сумел поладить даже с неуступчивым, твёрдым патриархом Гермогеном, часто беседовал с ним, одобрительно отзываясь о православной вере. Будто бы у Жолкевского были какие-то русские корни. В сражении под Клушином гетман показал полководческое искусство; в своих дальнейших действиях по всем направлениям он проявил себя как ловкий, проницательный дипломат, безошибочно ведя дело к покорению Москвы без применения силы.

Находясь в отдалённом монастыре под Волоколамском, горестный монах Василий Шуйский, конечно, получал известия о событиях в Москве, печаливших его сердце. В отличие от бояр-изменников, он избавил Россию от проходимца Лжедмитрия I, удалил из Москвы всех поляков, в том числе Марину с её корыстолюбивым отцом и со всею многочисленной свитой. Мог ли он подумать, что бояре-изменники признают своим государем сына польского короля, злейшего врага Московского государства, и обманом заставят присягнуть ему народ? В дурном сне не могло присниться, чтобы добровольно пустить в столицу захватчиков. Те же изменники выдали с головой и самого его, вчерашнего властителя многих царств и народов. Ещё находясь в России, Шуйский признавал себя пленником торжествующего короля Сигизмунда, но горькая чаша унижения и душевных терзаний ещё не была испита до конца несчастным монархом.

Несмотря на очевидные победные и дипломатические успехи Жолкевского, против него интриговали находившиеся рядом с королём братья Потоцкие, завидовавшие славе удачливого гетмана. Они и канцлер Лев Сапега в результате переговоров с московскими послами советовали королю не отпускать в мятежную Москву юного Владислава, а сначала взять Смоленск, потом избавиться от самозванца и самому войти в Москву победителем, что казалось нетрудным, поскольку поляки

уже находились в Москве. Вопрос вероисповедания Владислава оставался камнем преткновения, послы Василий Голицын и Филарет стояли на своём, хотя теперь он не имел значения ввиду таких настроений короля. Послы настаивали на снятии осады Смоленска и вывода войск за границу, поляки требовали сдать Смоленск.

План гетмана рушился, и, чтобы встретиться с королём лично, он отправился под Смоленск, но не один, а везя с собой низложенного царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана. Кому ещё доставались такие трофеи! Нам – величайший позор, полякам – небывалое торжество. По этому поводу Н.Карамзин пересказывает сокрушения Никоновской летописи: «О время стыда и бесчувствия! Мы забыли Бога! Какой ответ дадим Ему и людям? Что скажем другим государствам себе в оправдание, самовольно отдав Царство и Царя в плен иноверным? Не многие злодействовали, но мы видели и терпели, не имев великодушия умереть за добродетель».

В конце октября гетман явился к королю триумфатором, его встречали с почётом, славили как героя. По его приказанию с Василия Шуйского сняли иноческую одежду и дали богатую мирскую. Представ перед королём, он не поклонился ему, сказав с достоинством: «Царь Московский не кланяется королям. Судьбами Всевышнего я пленник, но взят не вашими руками: выдан вам моими подданными изменниками». Так свидетельствовал Авраамий Палицын, находившийся в посольстве под Смоленском. Он добавляет, что своим твёрдым ответом Шуйский удивил польских сановников «и, лишённый венца, сделался честью России». В.Татищев приводит и другие достойные слова Василия Шуйского: «Ваше величество, ныне, видя моё несчастье и Божеский на меня гнев, а кроме того неверность подданных и вероломство друзей..., желаю тебе и сыну твоему иметь более верных рабов и лучшее счастье, нежели я имел».

Король благодарил Жолкевского, но не согласился с его планом воцарения Владислава. Тщётно гетман пытался доказывать выгоды для обеих держав, если король даст Москве Владислава, в противном случае дело обернётся войной. Хорошо продуманный договор с боярами не получил высочайшего одобрения. Король, не без ревности относившийся к славе гетмана, заявил, что взятие Смоленска является для него делом чести, тогда как в договоре говорилось о снятии осады после присяги Владиславу. Жолкевский вынужден был просить послов князя Голицына и Филарета о сдаче Смоленска, а Сигизмунд велел

привести к воротам смоленской крепости самого Шуйского, чтобы он сам говорил Михаилу Шеину. Храбрый воевода ответил: «Я царю Василию Иоанновичу крест целовал, а ныне сего вижу не царём, но чернецом и невольником в руках неприятельских...» Защитники города отказались сдаваться, несмотря на то что на глазах у посольства поляки с помощью подкопов взорвали башню и часть крепостной стены; мужественный Шеин отбил и эту атаку.

Послы русские (Филарет Никитич и Василий Голицын с товарищами) просили короля освободить Василия Шуйского «в своё сохранение», то есть под их ручательство, вместо этого братьев Шуйских отправили в Польшу.

Поляки внушали русским послам бедственность положения России, на которую наступают шведы, а в Калуге усиливается Лжедмитрий. Мол, только под рукой Сигизмунда страна может чувствовать себя в безопасности. Сам король извещал Думу, что он после взятия Смоленска искоренит самозванца и вместе с послами московскими обсудит договор на сейме.

Тем временем Гонсевский старался обезопасить поляков в Москве: вывел из неё значительную часть стрельцов, запретил жителям носить оружие, а ночью выходить на улицу. Прошло два месяца в такой неопределённости, и в посольстве московском, и в самой Москве многие начали примиряться с мыслью о правителе Сигизмунде, который уже своим именем раздавал чины и земли. Из Москвы к Смоленску зачастили благосклонные к полякам сановники, дабы получить незаконные приобретения, а вместе с тем и право отъехать домой. В числе первых поклонников явились изменники: Михаил Салтыков, Василий Рубец-Мосальский, Фёдор Плещеев-Глазун, Фёдор Мещерский, Юрий Хворостинин, Фёдор Андронов, Михаил Молчанов, печатник Иван Грамотин и многие другие просители вотчин и наград. Воспользовались удобным моментом и члены посольства Авраамий Палицын и Захарий Ляпунов. Посольство, получив желаемое, постепенно разъехалось, оставшиеся главные послы Филарет и князь Василий Голицын находились как бы в плену.

ГИБЕЛЬ ЛЖЕДМИТРИЯ II

Владислав не появлялся в Москве. Поляки хозяйничали во всех городах, грабили и убивали русских без всякого суда, вызывая ропот жителей. На боярскую Думу, подчинённую гетману и Гонсевскому, не было никакой надежды. В этих обсто-

ятельствах самозванец начал усиливаться, склонив на свою сторону Казань, недовольную сдачей Москвы ляхам. Он считал, что христиане его предали, и будто бы мечтал уйти к Астрахани и там создать державу из ногайцев и донских казаков. Марина, напротив, предлагала идти в сторону Польши, но что могло ожидать там Заруцкого? Ещё многие области российские поддерживали его даже на севере, в том числе Псковская, где зверствовали казаки Просовецкого.

Укрепившись в Калуге, самозванец опирался на донских казаков и окружавших его татар, которым он доверял более чем русским, но, увы, это доверие имело для него трагические последствия. Когда вор находился в Тушине, к нему пришёл касимовский хан Ураз-Магомет⁹. После того как Жолкевский вошёл в Москву, хан отправился под Смоленск к королю и был принят с честью. Между тем его жена и сын находились у самозванца в Калуге. Чтобы повидаться с ними, Ураз-Магомет поехал в Калугу. Калужский властитель заподозрил в нём подосланного убийцу (Ураз-Магомета выдал его сын) и во время охоты велел убить его, а тело бросить в Оку, объявив, что он исчез неизвестно куда. Всё тайное становится явным. Крещёный мурза Пётр Урусов открыто обвинил самозванца в убийстве хана и был бит за это кнутом и посажен под стражу, после чего снова вошёл в доверие к самозванцу (как Василий Шуйский к первому Лжедмитрию).

План мести Урусов привел в действие во время очередной поездки самозванца на охоту 11 декабря 1610 года в сопровождении татар. Пётр Урусов неожиданно выхватил саблю и со словами «я научу тебя, как топить татарских царей и бросать в тюрьму татарских князей!» рассёк самозванцу плечо, а брат его отрубил жертве голову. По другим сведениям, Пётр Урусов выстрелил в голову самозванца из самопала. Вместе с отрядом татар, поджидавших в условленном месте, Урусовы ушли в степь и далее – в Крым.

Конрад Буссов, описавший эпизод убийства самозванца, заключил его следующими словами: «Потомки в Московском государстве будут вечно благодарить татарского князя за то, что он положил конец свирепствованию Лжедмитрия, ибо из-за него во всей России было много бед, сильных опустошений, убийств и смертей». Действительно, тушинско-калужский вор мог ещё пролить море крови, но лагерь его тотчас распался окончательно и не представлял больше угрозы для Москвы.

Калуга взволновалась известием о гибели Лжедмитрия, сбегавшаяся по набату толпа буше-

вала, призывая к казни убийц: казаки набросились на татар, стали избивать их, когда привезли обезглавленного самозванца. Больше всех металась Марина и кричала, чтобы убили и её. Опаматовавшись, она объявила себя беременной и буквально через несколько дней якобы родила сына, в чём усомнились современники. Авантюристка, связавшая свою судьбу с двумя ложными царями, продолжала маниакально цепляться за звание царицы, добытое обманом, и теперь выставя мнимого наследника. Тем не менее младенца торжественно крестили и нарекли царевичем Иваном. Отчаяние Марины понятно, сколь ни противен был ей второй Лжедмитрий, только при нём она могла рассчитывать на удовлетворение своих амбиций. Кто теперь останется возле неё?

Пока ещё не покидали Калугу донские казаки атамана Заруцкого, но находившиеся здесь московские приспешники самозванца отказались служить царевичу Ивану, постановили присягнуть тому, кого изберут на Московский престол, и посадили Марину под стражу. Калужане присягнули Владиславу.

Казалось бы, гетман Жолкевский действовал в своей дипломатии безупречно-предусмотрительно, а события в Калуге избавляли Сигизмунда от необходимости борьбы с самозванцем: оставался вопрос, чем же мотивировать польское присутствие в Московском государстве? Его очищение от Тушинского вора, обещаемое Сигизмундом, теперь не требовалось, напротив, надо было покончить с засильем самих поляков. Избавившись от главного очага Смуты, русские люди по всему государству ощутили толчок к возрождению чувства национального достоинства, оскорбляемого польским владычеством в самой столице, где Дума лишь исполняла все распоряжения начальника гарнизона Гонсевского. Междоусобица продолжалась, Семибоярщина бездействовала. Самыми влиятельными возле Гонсевского оказались боярин Михаил Салтыков и купец Фёдор Андронов, ставший думным дворянином. Эти изменники усердно служили полякам, доносили им о враждебных настроениях москвитян, о призывах патриарха Гермогена к неповиновению ляхам.

ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ. РАЗОРЕНИЕ МОСКВЫ

Первым принято считать ополчение Прокопия Петровича Ляпунова, но, справедливости ради, сделаем отступление и напомним, что попытку создать освободительное ополчение предприня-

ли галичане, собрав ещё в ноябре 1608 года «собрание великое ратных людей». По их призывным грамотам восстали и прислали ратных людей северные города: Кострома, Вологда, Великий Устюг, Тотма, Каргополь и др.

Из Галича ополчение пошло к Костроме и далее к Ярославлю, где советовал всем «посождаться» Василий Шуйский. В увещательной грамоте северным городам царь писал: «А если вскоре не соберутся, а станут все врозь жить и сами за себя не станут, то увидят над собою конечное разорение...» В то время Ярославль был захвачен атаманом Лисовским, к которому переметнулась часть дворян и боярских детей. Ополченцы вынуждены были отступить обратно к Костроме, где их настиг отряд Лисовского, разорившего и Кострому, и Галич. Опыт оказался неудачным, тем не менее К.Валишевский называет ополчение Ляпунова вторым, а Пожарского – третьим. Мы же не будем отступать от устоявшихся понятий первого и второго ополчений.

Теперь начало духу сопротивления положил всегда «прямо стоявший» непреклонный Гермоген. Он раньше других убедился, что Сигизмунд непустит сына в Москву и не согласится на его крещение в православие. Гермоген открыто обращался к московскому люду встать на защиту православной веры, не отдавать московского престола Владиславу, если он не примет православия. Ему вторил «стремительный на пути закона и беззакония» Прокопий Ляпунов, смело рассылавший по городам призывы к соединению против ляхов и изгнанию их из пределов Московского государства.

Сильное действие имели грамоты от смолян к москвитянам и от москвитян, разосланные по городам. Смолены отчаянно призывали: «Что же мы видим? Гибель душевную и телесную. Святые церкви разорены; ближние наши в могилах или в узах. Хотите ли такой же доли?... Восстаньте, доколе вы ещё вместе и не в узах; поднимите и другие области, да спасутся души и Царство!.. Известны виновники ужаса, предатели студны: к счастью, их мало, немногие идут вослед Салтыкову и Андронову, а за нас Бог, и все добрые с нами: Святый патриарх Гермоген, прямой учитель, прямой наставник, и все христиане истинные! Дадите ли нас в плен и в Латинство?»

Москвитяне, тронутые зовом смолян о помощи, разослали свою грамоту, в которой сказано: «Пишем мы к вам, православным христианам, всем народам Московского государства, господам братьям своим, православным христианам... Будьте с нами заодно против врагов наших и ва-

ших общих... Мы сами видим вере христианской перемену в латинство и церквам Божиим разорение. А у нас святейший Гермоген патриарх прям, как сам пастырь, душу свою за веру христианскую полагает неизменно, и ему все христиане православные последуют, только неаявственно стоят».

Гермоген намеревался читать проповедь-воззвание в соборе, поляки окружили его и не позволили этого сделать, а патриарха взяли под стражу, отобрав у него бумагу и чернила, чтобы не мог писать свои грамоты. Как видно, объединяющей идеей сопротивления стала православная вера, а ввиду отсутствия государя возвысился авторитет патриарха. На совет к нему нижегородцы прислали делегацию и, ободрённые его словом, вернулись домой с решимостью встать против ляхов.

Ярославцы пишут свою грамоту в Казань: «Совершилось нечаемое: святейший патриарх Гермоген стал за православную веру неизменно и, не убоявшись смерти, призвавши всех православных христиан, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стоять и помереть, а еретиков при всех людях обличал... И в города патриарх приказал, чтоб за православную веру стали, а кто умрёт, будут новые страстотерпцы: и слыша это от патриарха, и видя своими глазами, города все собрались и пошли к Москве». Ярославцы называют трёх главных деятелей сопротивления, это патриарх Гермоген, смоленский архиепископ Сергей и воевода Михаил Шеин, они показали русским людям пример стойкости, силу духа.

Из Ярославля к Москве двинулись три отряда ратников во главе с воеводой Иваном Ивановичем Волынским. Поднялись и новгородцы, получившие благословение митрополита Исидора, и даже Пермь, наблюдавшая издали за событиями, послала свой отряд к Москве. Уже не все готовы были принять королевича Владислава на Московское царство, многие не хотели признавать иноземного государя, о чём писал, например, соловецкий игумен Антоний: «...Не хотим никого иноверцев на Московское государство царём, кроме своих прирождённых бояр Московского государства».

Проснувшийся дух свободолюбия россиян отозвался на эти призывы. Отовсюду шли к Москве ополченцы: из Ярославля и Костромы, из Галича и Вологды, из Суздаля и Муром, из Владимира и Нижнего; привёл полки рязанские и северские Прокопий Ляпунов, но, мало того, тот же порывистый Ляпунов, благодаря своей бурной деятельности вставший во главе народного движения, неразборчиво призвал ещё и бывших тушинцев, казаков атамана Заруцкого, калужского вое-

воду князя Дмитрия Трубецкого и Просовецкого, пришедшего теперь из северных областей. В таком разнородном войске непременно должны были возникнуть разногласия. А ещё набивался в союзники разоритель православных монастырей Ян Сапега, начавший сноситься по этому вопросу с Ляпуновым. Сапега двулично прельщал: «... а мы от вас не прочь, и стоять бы вам за православную христианскую веру и за святые церкви, а мы при вас и при своих заслугах горла свои дадим». О каких заслугах речь, о чём печётся этот «защитник православия»? Благодарение Богу, сделка эта почему-то не состоялась, и Сапега тотчас показал своё истинное лицо в письме к костромичам, горделиво заявив: «Знаете ли вы польских и литовских людей мочь и силу: кому с ними биться?» Биться с ними, как было сказано, нашлось кому и без троянской помощи лукавого Сапегу.

Почему пуще всех восстал по благословенному слову патриарха Прокопий Ляпунов? Вероятно, братья Ляпуновы, столь настойчиво свергавшие с престола Шуйского (из опасения преследования с его стороны после письма Ляпунова к князю Скопину), увидели, в какую западню подтолкнули Россию, когда в Москве расположилось польское войско, а Сигизмунд начал царским именем раздавать вотчины и чины московским предателям. Стало понятно, что хулимый Ляпуновыми царь Василий никогда не согласился бы на сдачу Москвы полякам, предпочтя умереть с честью. Дворянин Прокопий Ляпунов, чаявший бурной деятельности в обстановке всеобщей смуты, стремился доказать своё превосходство над знатными боярами, склонными к измене и неспособными, как оказалось, управлять государством. Не случайно и в Москве установился диктат Федьки Андронova.

Несмотря на широкое народное движение, Дума продолжала связывать свои надежды с королём Сигизмундом, писала послам князю Голицыну и Филарету прежний наказ исполнять волю короля, а воеводе Шеину предлагала открыть перед ним ворота смоленской крепости. И послы, и храбрый воевода уже знали о начавшемся восстании городов и не стали исполнять указание Думы. Обстановка в Москве с каждым днём накалялась, уже звучали призывы к неповиновению ляхам, иные вслух говорили, что надо изгнать их, иногда происходили стычки с ними. Встревоженный Гонсевский принимал меры предосторожности: старался выслать за город стрельцов, круглые сутки держал войско в готовности, на заставах проверял, не везут ли оружие. Перехватывая гонцов, узнали об опасных посланиях Гермогена, приказывали ему

отступить от мятежного Ляпунова. Патриарх был твёрд, тогда, как пишут, раздосадованный Михаил Салтыков даже схватился за нож, против которого патриарх употребил крест, осенив им боярина.

Изменники Андронов и Салтыков звали в Москву самого Сигизмунда, но тот неотступно стоял под Смоленском и не собирался отпустить Владислава на Московское царство, слал боярскому синклиту отписки с уверениями, что усмирит государство после взятия Смоленска.

Не дождавшись помощи от короля, Александр Гонсевский направил в Рязанскую область отряд казаков и стрельцов под началом Исаяи Санбулова, осадившего Ляпунова в Пронске. Вожь восстания мог быть взят в плен, но его выручил доблестный Дмитрий Пожарский, разбивший войско изменников.

Ополченцы разных городов ещё не сошлись к столице, а в ней уже произошли тревожные события, москвитяне, услышав о скором приближении ополчения, уже не скрывали своего враждебного отношения к полякам, короля называли старой собакой, а королевича щенком.

Узнав о приближении к Москве с разных сторон ополчения Ляпунова, казаков Заруцкого и Просовецкого, Гонсевский решил действовать на опережение. Полякам показалось подозрительным, что в Китай-городе на торговой площади съехалось много извозчиков, стали разгонять толпу, началась драка, а кончилось тем, что ляхи выхватили сабли и принялись рубить всех без разбора. Люди разбежались, Китай-город опустел. Затем так же был разорён Белый город, а деревянный посад просто выжгли, поджигая дома в разных концах, чтобы местные жители не могли оказать содействие наступающим ополченцам. В поджогах особенно усердствовал француз-наёмник капитан Яков Маржерет, известный нам ещё во времена Бориса Годунова. В эти осадные дни, злобствуя на строптивного Гермогена, ляхи заключили его в тесной камерке Чудова монастыря.

Здесь мы снова видим Дмитрия Пожарского, который первым вступил на Сретенку и долго держал оборону, пока не был ранен и отвезён в Троицкий монастырь. Большинство жителей столицы вынуждены были покинуть её, так как поджоги продолжались, пожар бушевал три дня. Поляки разграбили все богатые дома, но, увлечённые грабежом, не позаботились о спасении продовольствия, громили винные погреба и пьянствовали, сопровождая вакханалию насилием над женщинами.

Поляки засели в Кремле и Китай-городе, где оставалось множество неубранных трупов, а хра-

мы были осквернены. Тем временем с разных сторон придвинулись ополченцы Прокопия Ляпунова, казаки Заруцкого, князя Трубецкого и Просовецкого, постепенно занявшие большую часть Белого города. Поляки отвечали вылазками, уже ощущая недостаток продовольствия. И снова на театре действия появляется Ян Пётр Сапега, пришедший на подмогу польскому гарнизону и вставший возле Девичьего монастыря. Этого рыцаря удача интересовала прежде всего деньги, чтобы выдать жалование своему войску за прежнее «заслуги». С этой целью он переписывался и с Ляпуновым, и с Гонсевским. От Ляпунова получить ничего не удалось, а Гонсевский выдал сапежинцам значительные ценности из царской казны и отправил их в окрестные города собирать продовольствие. Сапегу прельщало другое: возможность разорять и грабить города.

Схватки были жаркие. Особенно отличался своей неукротимостью могучий Прокопий Ляпунов, воодушевлявший воинов зычным голосом. Русские отважно бросались на опытных жолнёров, сойдя с коней, бились врукопашную и захватили весь Белый город, разрушенный пожаром. Осаждённые поляки вновь с угрозами требовали от Гермогена, чтобы он отвратил наступление ополченцев и велел Ляпунову удалиться от Москвы, распустив войско. Патриарх неколебимо отвечал: «Пусть удалятся ляхи!» Угрожали смертью, он показывал на небо, дескать, боюсь только Бога. Его оставили в строгом заточении, а на патриарший престол призвали чудовского инок Игнатия, возведённого прежде Лжедмитрием I в этот сан. Народ не хотел признавать его своим пастырем.

Как следовало ожидать, между воеводами, осаждавшими Москву, возникли разногласия. Требовалось единоначалие, но амбиции не позволили сделать единый выбор: 30 июня 1611 года утвердили трёх командующих: рязанского воеводу Прокопия Петровича Ляпунова, стоявшего во главе освободительного движения, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и атамана Ивана Мартыновича Заруцкого. Казаки двух последних представляли собой сбродное войско, оставшееся после калужского самозванца, куда сошлись все искатели удачи, разбоя и грабежа. Эти трое стали представлять и гражданскую власть России, посылая грамоты в города с требованием подмоги ратными людьми, деньгами и провиантом. Как обычно, в обстановке Смутного времени утверждалось, что правящий триумvirат избран всею землёй (перечислены звания разных чиновных людей), хотя в сходе участвовали выборные от полков.

Между тем Иван Заруцкий¹⁰ со своими многочисленными казаками-разбойниками бесчинствовал в окрестных селениях, страдавших от грабежей и опустошений. «Пользуясь смутными обстоятельствами, он хватал всё, что мог, целые города и волости себе в добычу..., но мыслил схватить и Царство!» – пишет Карамзин. Он взял под своё покровительство Марину Мнишек, привёз её с собой в Коломну и по её наущению, вероятно, намеревался добиваться возведения на престол Мариного младенца Ивана.

Чтобы унять своеволие Заруцкого, Ляпунов устроил собрание Думы Земской, в которую вошли выборные от войска. Уставная Грамота этой Думы определяла в её ведение все ратные и земские дела, запрещала казакам всякие грабительские разъезды, «а для кормов посылать только дворян добрых». Открылось явное противостояние двух главных властителей войска. Что мог поделаться честный душой и мыслью Ляпунов с толпой буйных, мятежных людей, привыкших к своеволию? Атаман Заруцкий ненавидел его, кипел злобой. Когда воевода Плещеев в наказание за разбой бросил в реку 20 казаков, их спасли товарищи и подняли мятеж, требуя расправы над Ляпуновым. В порыве негодования он хотел удалиться к себе в Рязань, но спохватившиеся мятежники уговорили его остаться.

После этого возник заговор, который Заруцкий умыслил вместе с врагом Гонсевским, засевшем в Кремле, имея с ним тайную связь. Придумали написать подложный указ от имени Ляпунова ко всем воеводам об истреблении всех казаков. Обличительный документ якобы перехватили у гонца. Подпись руки Ляпунова была подделана недурно. Тотчас собрали сход, на котором не присутствовал Заруцкий, дабы отвести от себя подозрения. Позвали Ляпунова, он твёрдо заявил, что грамота изготовлена врагами России. Разбушевавшиеся казаки расправились с вождём ополчения. За него заступился только один Иван Ржевский, бывший дотеле его недругом, и этот благородный человек пал под казацкими саблями. «Жертва единственная, но драгоценная, в честь Героя своего времени, Главе восстания, животворцу государственному, – воспевают Карамзин, – коего великая тень, уже примирённая с законом, является лучезарно в преданиях Истории, а тело, искажённое злодеями, осталось, может быть, без христианского погребения и служило пищею врагам, в упрек современникам неблагодарным или малодушным, и к жалости потомства».

Вместе с гибелью вождя ополчения расстрои-

лось всё войско. Начались прежние грабежи, буйства и убийства. Дворяне вынуждены были спасаться бегством, смятенное войско утратило боеспособность, чем воспользовались Гонсевский и пришедший ему на помощь от Переславля Сапега: поляки снова отвоевали Белый город, Замоскворечье и Новодевичий монастырь. Сапега вошёл в город победителем, доставив удовольствие.

СДАЧА СМОЛЕНСКА. ПЛЕННИКИ ШУЙСКИЕ

В то же время другие тяжёлые поражения постигли Россию: королевское войско после долгой изнурительной осады наконец овладело Смоленском, нашим главным форпостом на западе, а шведы вошли в древний Великий Новгород. Славный генерал Делагарди был нам уже не союзником с тех пор, как отступил на север после разгрома под Клушином. Все надежды, связанные с освободительным ополчением Ляпунова, рухнули.

Семибоярщина, понуждаемая Сигизмундом, слала великим послам Филарету и Василию Голицыну и воеводе Шеину призывы сдать королю Смоленск, но послы стояли на своём, особенно когда узнали о движении ополчения к Москве, несмотря на то, что, добиваясь сговорчивости, их держали под стражей и скудно кормили. В середине апреля неуступчивых послов – Филарета, Голицына и дьяка Луговского – решено было отправить в Польшу.

Чуть раньше туда удалился гетман Жолкевский. Король, застрывший с затянувшейся осадой Смоленска, ревниво отнёсся к блестящим успехам гетмана под Москвой и в Москве и потому не оказывал должного внимания триумфатору, поэтому Жолкевский не хотел ни возвращаться в Москву, ни участвовать в осаде Смоленска. Любимец короля Ян Потоцкий, возглавлявший эту осаду, не дождавшись взятия крепости, умер; командование принял брат, Яков Потоцкий.

При столь длительном сидении (около двадцати месяцев) число защитников сократилось до нескольких сот человек, не столько от вражеских пуль, сколько от болезней; оборонять протяжённые стены стало трудно, хотя воевода не падал духом. Как случается нередко, нашёлся предатель, указавший полякам слабый участок стены, который удалось разрушить из пушек и вломиться через него ночью 3 июня 1611 года. К. Валишевский приписывает этот успех искусству немецких подрывников. Историк, симпатизирующий полякам, по-другому рассказывает эпизод, когда смоляне, сбежавшие-

ся в собор Богородицы, подожгли порох, хранившийся в подклете, и взлетели на воздух вместе с собором. Когда поляки ворвались в храм, пишет он: «взорам их представился архиепископ Сергей в архиерейском облачении, громко молившийся перед распростёртой толпой. Пастырь этот, ещё молодой, с ниспадающими на плечи белокурыми волосами, золотистой бородой, навёл религиозный ужас на нападавших: им показалось, что перед ними сам Христос, и они пощадили храм». Картина явно идиллическая. Что касается взрыва, то, по Валишевскому, он произошёл под домом архиепископа, где хранилось 150 пудов пороха. Мыслимо ли, чтобы Сергей разрешил держать такой склад пороха у себя в подвале? В любом случае архиепископ Сергей остался жив, потому что мы увидим его в торжественной процессии, когда Жолкевский доставлял пленников к королю.

Воевода Шеин не думал сдаваться, желая погибнуть с честью. Со своей семьёй и малым числом верных людей он заперся в одной из башен и отбивался и сдался только главному польскому командующему Якову Потоцкому. Храброго воеводу доставили в королевский лагерь и там пытали. Известны 27 пунктов, по которым его допрашивали. Почти на все вопросы Шеин дал отрицательные ответы и никого не выдал. После этого его в оковах отправили в Литву. Сына воеводы взял себе король, жену и дочь – канцлер литовский Лев Сапега. Польша праздновала победу, забыв об осаждённых в Москве соотечественниках. У Сигизмунда не было средств, чтобы идти к Москве с утомлённым малочисленным войском.

Победа казалась достаточной, тем более что был повод для ещё более горделивого торжества. 29 октября 1611 года гетман Станислав Жолкевский в окружении многих знатных панов доставил сверженного царя Василия в королевский замок в Варшаве. Блестящая свита гетмана состояла из шестидесяти карет в сопровождении конного отряда рыцарей. Зрителями этого великолепия являлись толпы ликующих поляков. Для придания большего величия этому событию, тешащему самолюбие поляков, Шуйских везли в открытой карете, запряжённой шестью лошадьми, Василий был одет в богатые одежды из «белой парчёвой фрязи». За ними следовали смоленский воевода Шеин, архиепископ Сергей и другие пленённые знатные смоляне.

Братьев представили королю, они низко поклонились ему, надеясь на его милосердие. К этому подавал надежду сам Жолкевский, который в своей длинной речи просил принять царя и его братьев не как пленников, а оказать им милость. Но другие вельможные паны подали голоса, требующие

мести за гибель многих поляков во время расправы над первым самозванцем. Того же требовал Юрий Мнишек за дочь свою. Король якобы принуждал Василия Шуйского письменно уступить ему престол: Василий, не убоявшись смерти, ответил отказом, сославшись на то, что он уже не царь.

Шуйских поместили в Гостынский замок, в нескольких верстах от Варшавы, где они содержались в скудных условиях, не имея никаких сношений даже с родственниками. Никакой надежды на освобождение у них не было. 12 августа следующего года Сигизмунд вместе с сыном выступил в поход на Москву, извещая бояр, что настало время венчать Владислава на Московское царство. А 12 сентября, всего за полтора месяца до освобождения Москвы от захватчиков, царь Василий Иванович Шуйский скончался. «Шуйский пал с величием в развалинах государства», – отметил Карамзин. Дмитрия не стало несколько дней спустя. Несомненно, смерть их не была естественной. Дмитрий Шуйский мог наследовать Московский трон как брат царя и его конюший, поэтому от него тоже избавились.

Вначале их тайно захоронили там же, в Гостынском замке, а в 1620 году Сигизмунд приказал перевезти их останки в предместье Варшавы, где сооружён был небольшой мавзолей с надписью на мраморной плите в похвалу самому королю, с перечислением его побед над россиянами: «Во славу царя царей, одержав победу в Клушине, заняв Москву, возвратив Смоленск Республике, пленив Великого Князя Московского, Василия, с братом его, Князем Дмитрием, Главным Воеводою Российским, Король Сигизмунд, по их смерти, велел здесь честно схоронить тела их, не забывая общей судьбы человеческой, и в доказательство, что во дни его царствования не лишались погребения и враги. Венценосцы беззаконные!»

Богу было угодно вернуть Василию Шуйскому царское достоинство. Через много лет (в 1635 году) по настоянию Михаила Романова король Владислав передал останки Шуйских Москве, и они были с большой честью перезахоронены рядом с другими царскими усыпальницами в Архангельском соборе Кремля.

*То было как бы покаяние
За грех измены прошлых лет.
Был траур в смирном одеянии –
Напоминание страшных бед.*

*С большою честью совершён был
Пред усыпальницей обряд.
Уже не иноком невольным,
Царём вернулся он назад.*

Князь Иван Шуйский был помилован Сигизмундом, поскольку не был прямым претендентом на престол Московский. Некоторое время он находился в рядовой должности при дворе королевича Владислава. На родину вернулся в 1620 году, где возглавил Московский Судный приказ.

ШВЕДЫ В НОВГОРОДЕ. ЛИХОЛЕТЬЕ

Как было сказано, угрожающие события происходили и в Новгороде Великом. Узнав об осаде Москвы ополченцами, новгородцы учинили расправу над воеводой князем Иваном Салтыковым, сыном известного предателя Михаила Глебовича Салтыкова. Этот воевода был назначен Семибоярщиной и не мог теперь иметь доверия, участь его оказалась ужасна: его посадили на кол, несмотря на все его мольбы. От Ляпунова прислали другого воеводу, Василия Ивановича Бутурлина.

Якоб Делагарди, отступивший от Клушина, вначале принялся воевать новгородские северные города, взял Корелу и весной 1611 года подошёл к Новгороду. На переговорах с Бутурлиным он потребовал уступки за его прежние услуги нескольких городов: Орешка, Ладоги, Ивангорода, Копорья. Здесь же был заявлен претендент на русский престол со шведской стороны, один из принцев. Договор этот Швеции с Новгородом был продиктован победителем, в нём отдельно называются Новгородское и Московское государства, то есть обширная Новгородская область отпадала от Москвы. О принятии королевичем православной веры даже не упомянуто.

Ляпунов согласился на избрание царём шведского королевича Филиппа, но после того, как тот примет православие и шведы помогут изгнать ляхов. Русские готовы были отдать в залог только Орешек и Ладогу. Однако в планы Делагарди не входило идти вновь к Москве, он решил овладеть Новгородом. Первые приступы к городу не имели успеха. Нашёлся изменник, который ночью 17 июля провёл шведов в город, после чего началась паника. За православную веру бились до конца сорок казаков во главе со стрелецким головой Василием Гаютиным, а протопоп Аммос заперся в своём доме и был сожжён вместе с семьёй. Воевода Бутурлин бежал, второй воевода, князь Одоевский, и митрополит Исидор засели в Детинце. Для обороны не имелось достаточно сил, пришлось вступить в переговоры с Делагарди. Было подтверждено согласие избрать царём одного из сыновей Карла IX, а до его прибытия Делагарди является наместником новгородс-

ким. Карл IX вскоре скончался, трон занял его старший сын Густав Адольф, таким образом, претендентом на Московский престол оставался младший сын Филипп.

Два важнейших древних русских города (Смоленск и Новгород) оказались во власти иноземных захватчиков. Но ещё и Псков оставался в бедственном положении: после отказа псковичей признать царём московским Владислава в здешних окрестностях четыре года разбойничали шайки Лисовского, в марте 1611 года под Печоры вторгся литовский гетман Ходкевич, а в Ивангороде вдруг объявился откровенный авантюрист третий Лжедмитрий (какой-то дьякон Матюшка или Сидорка), снова пустивший легенду о своем чудесном спасении. Здесь 23 марта его провозгласили царём. Он уже затеял переговоры с королём Швеции, но тот вскоре скончался. К новому вору пристали многие казаки, которым не важно было, под чьи знамёна идти, лишь бы была возможность грабить, в том числе явились на его призыв и казаки Заруцкого и Трубецкого. После этого третий Лжедмитрий принялся осаждать Псков и овладел им в конце августа. Псков оказался губительно тесним со всех сторон, смута творилась невероятная, в городе не было даже воевод; власть взяли в свои руки меньшие люди, так что воеводы и лучшие люди бежали в Новгород.

Псковский вор прислал своих людей в подмосковный стан, возбудив левоверных казаков, которые изъявили желание присягнуть «Дмитрию», чему не могли воспротивиться и Заруцкий с Мариной, питавшие надежду добиться престола для младенца «Ивана Дмитриевича». От ополчения в Псков был послан отряд казаков, искателей приключений. И все же грамоты псковского вора не имели прежнего воздействия, города центральной Руси отказались признать его государем. 14 апреля 1612 года самозванец был схвачен по приказу второго ополчения и привезён в Москву, где был позднее повешен. По другим сведениям, судьба его неизвестна, возможно, он был убит ещё на пути в Москву.

После овладения Новгородом шведы стали брать и другие города: Копорье, Ладогу, Орешек, Ивангород, Порхов, Тихвин; пытались взять и Псков, но безуспешно.

Что происходило в столь безнадёжное время под Москвой? Оставшиеся без твёрдой ляпуновской руки сбродные казаки Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого осаждали город без прежнего усердия, их шайки промышляли грабёжом в окрестностях Москвы. Оказавший подмогу Гонсевскому губитель православных монастырей

Ян Сапега заболел и умер в Москве 14 сентября 1611 года, но вскоре подоспел литовский великий гетман Ян Ходкевич; войско его было невелико, всего 2000 всадников, поэтому он не смог пробиться в Москву и отступил.

С наступлением зимы поляки, оставшиеся в Москве, остро почувствовали недостаток продовольствия; посылали в окрестности обозы под прикрытием отрядов, которые подвергались нападению партизан, называемых поляками шишами. В надежде на помощь короля бояре, ещё остававшиеся в Москве, послали очередное посольство к Сигизмунду, поскольку старое посольство, находившееся в плену, оказалось несговорчивым. В новое посольство сумел войти известный изменник князь Салтыков Михаил Глебович: опасаясь участи своего сына, казнённого в Новгороде, он остался в Польше. По той же причине предусмотрительно удалился в Польшу патриарх Лжедмитрия Игнатий, поэтому грамоту, которую везли послы от «всего освященного собора и верноподданных», подписал архиепископ Архангельского собора Арсений. Гермоген находился в заточении и ни за что не подписал бы изменническую грамоту.

После гибели Ляпунова не было доверия казакам. Например, казанцы, пересылаясь с другими городами, писали: «Если же козаки станут выбирать государя по своему изволению, одни, не согласившись со всею землею, то такого государя нам не хотеть». Несмотря на потерю Смоленска и Новгорода, на разорение Москвы, на разбойные грабежи и расправы казацких и польских шаек, вера в освободительные силы народа не угасла. Призывы стойкого Гермогена подхватили и продолжали архимандрит Троицкого монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын. Когда ополчение Ляпунова подошло к Москве, Палицын прибыл туда, чтобы благословить ратников на подвиг.

6 октября 1611 года Дионисий разослал во все города грамоту, в которой было сказано: «Православные христиане! ...возложите упование на силу креста господня и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андронova, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них гибель всем христианам, видите, какое разоренье они учинили в Московском государстве; где святые божиі церкви, божиі образы? Где иноки, седины цветущие, и инокини, добродетелями украшенные? Не всё ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощаждены ни ста-

рики, ни грудные младенцы. Пусть служилые люди без всякого мешкания спешат к Москве... Смилюйтесь, сделайте это дело поскорее, ратными людьми и казною помогите, чтоб собранное теперь под Москвой войско от скудости не разошлось».

Вместе с Дионисием грамоты подписывал Авраамий Палицын. Надо сказать, личность этого видного деятеля Смутного времени производит двойственное впечатление. Он избежал Троицкой изнурительно долгой осады, случайно или предусмотрительно оказавшись в Москве, а после написал своё «Сказание», в котором рассказал о тех монастырских событиях со слов очевидцев, при этом, как было сказано выше, преувеличивал степень своего участия в тогдашних событиях. Палицын находился в составе посольства 1610 года к Сигизмунду, но, когда стало понятно, что упорствующих послов может ожидать плен, он сумел получить милость короля и благополучно вернуться домой. Эту его ловкость припомнил вернувшийся из плена в 1619 году Филарет Никитич, отправивший троцкого келаря на Соловки. После смерти прямо стоявшего патриарха Гермогена Палицын стал заявлять о себе как об одном из духовных пастырей Московского государства; интуиция подсказывала ему, что поднявшееся народное восстание завершится успехом, поэтому не случайно он появился в подмосковном стане, окропляя первых ополченцев святой водой. Тем не менее он продолжал активно участвовать в освободительном движении.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Московское государство оказалось на грани полного распада: без Смоленска и Новгорода, без столицы, захваченной ляхами, без царя оно было нежизнеспособно и, казалось, обреченным на гибель. Боярская Дума, сожительствовавшая с поляками в оккупированном Кремле, не могла представлять собой реальную власть. Народ, смущаемый самозванцами, уже несколько лет метался в смуте, изнемогал от разорений. Оставалась только нравственная опора, исходившая от православной церкви: именно религиозные деятели смогли пробудить патриотические силы на борьбу с поработителями.

Призывные слова нашли отзыв в сердцах людей, истомившихся в невзгодах, много наказанных за свои шатания. Как видим, очищению от смуты, от

изменников и врагов должно было предстоять очищение нравственное: только укрепившись духом, можно было вырваться из уз порабощения. Из этого проистекала готовность многим жертвовать ради общего спасения.

Неудача первого ополчения не отвратила народ от необходимости продолжения очистительной борьбы. Все козни, все измены творились в корыстной боярской верхушке, теперь пришли в движение меньшие люди, готовые сплотиться ради освобождения государства от всех иноземных захватчиков и своих предателей.

Кому непреклонный патриарх Гермоген, скончавшийся «голодной смертью» 17 февраля 1612 года, послал свою последнюю грамоту из заточения? Нижегородцам, потому что этот благословенный город во все годы лихолетья не изменял своей присяге законному царю, не признавал ни одного, ни другого самозванца, не присягал королевичу Владиславу. Примечательно, что призывы к освободительному движению нашли горячий отклик именно здесь, ибо дух патриотизма нижегородцев не был сломлен никакими интригами, а воеводы Звенигородский, Алябьев, Репнин исполняли свой долг честно и прямо. Главное, здесь нашёлся человек, вставший во главе освободительного почина не на словах, а на деле: им оказался мясной торговец Кузьма Минин Сухорук, являвшийся земским старостой и пользовавшийся доверием горожан.

Получив грамоту из Троицкой лавры, земские власти сначала ознакомились с ней на дворе воеводы. Кузьма Минин предложил прочитать её перед всем народом, для чего на следующий день служили молебен в соборе, а потом прочитали грамоту перед толпой горожан. Разорение Московского государства давно было болью каждого, и потому, когда Минин страстно призвал встать на очистительную борьбу с захватчиками и оказать всякое возможное пожертвование для этой святой цели, его речь нашла живейший отклик нижегородцев. Приводят его слова: «захотим помочь Московскому государству, так не жалеть ничего, дворы продавать, жён и детей закладывать...», но, думается, столь крайнее самопожертвование не требовалось, да и сам Кузьма тут же говорит, что у него имеется 300 рублей и он даёт на общее дело 100 рублей: ведь не последнюю рубашку снял. Оказались и более щедрые жертвователи: какая-то вдова внесла 10000 рублей из 12000 рублей, оставшихся после мужа. В итоге было принято постановление оценивать имущество каждого хозяина и брать с него только пятую часть деньгами.

Для руководства военной силой надо было найти надёжного воеводу. Минин предложил обратиться

к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, который, подлечившись после московских ранений в Троицкой обители, находился теперь в Суздальской вотчине, пожалованной ему Шуйским. К нему направили делегацию чиновных людей. Пожарский не вдруг согласился возглавить ополчение на доброе дело, но при этом попросил быть при нём для хозяйственных вопросов Кузьму Минина. По скромности своей Пожарский добавил, что такое поручение для него слишком почётно, дескать, если бы был сейчас такой столп, как Василий Голицын, то за него все бы и держались (Василий Васильевич находился в польском плену).

Выбор военачальника оказался не случайным. Находясь воеводой в Зарайске, Пожарский отличился в ряде столкновений с литовскими людьми и казацкими отрядами, о чем говорилось выше. Он стойко защищал свой город, оставаясь верным сторонником Василия Шуйского, отличился храбростью при осаде Москвы первым ополчением, поэтому нельзя согласиться с К. Валишевским, который неприязненно называет Пожарского диктатором, лишённым воинских способностей. Князь Дмитрий не замешан был ни в каких кознях, изменах и интригах, столь свойственных Смутному времени, выявившему корыстолюбие боярской верхушки. Он не ездил ни в Тушино, ни под Смоленск, не ища себе каких-то милостей от самозванца и от Сигизмунда. Забегая вперёд, вспомним, что Пожарский помиловал людей, покушавшихся на его жизнь в Ярославле, не чинил никаких расправ над выпущенными из Кремля поляками и московскими изменниками, более того, некоторые из этих бояр ещё претендовали на царский венец. Разве это похоже на действия диктатора?

Через несколько дней, собрав на пути некоторых служилых людей, Пожарский прибыл в Нижний, где был принят с честью. К нему пришли смоляне, изгнанные поляками и не принятые в Арзамасском уезде. Начались хлопоты по сбору ополчения; прежде всего требовались ратники, а для жалования им – деньги, поэтому нижегородцы именем Дмитрия Пожарского и других чиновных людей разослали по городам грамоту, в которой напоминали о конечном разорении Московского государства, о том, что «они идут всеми головами своими на помощь Московскому государству», и заявляли свою цель: «Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына её, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Отовсюду стала приходить помощь ратными

*Князь Михаил
Скопин-Шуйский*

*Князь
Дмитрий Михайлович
Пожарский*

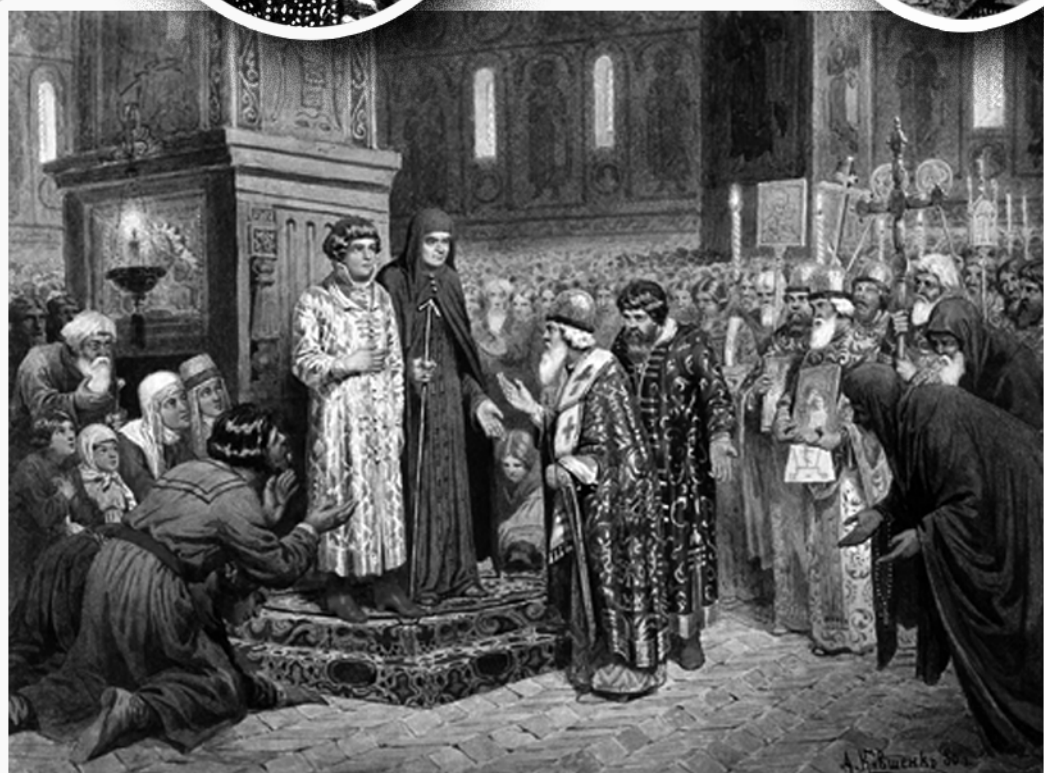

Кузьма Минин

*Царь
Михаил
Федорович
Романов*

*Избрание
Михаила Федоровича
Романова
на царство.
Худ. А. Кившенко*

людьми и деньгами. Узнав о сборе нижегородского ополчения, Заруцкий забеспокоился, поскольку вместо устранившегося Ляпунова появился военачальник, который может оспорить его первенство в подмосковном войске и помешать планам воцарения Марининого сына Ивана, при котором он стал бы правителем. Поскольку окончательным пунктом сбора большого ополчения был назначен Ярославль, Заруцкий направил для его захвата отряд казаков под командой атамана Андрея Просовецкого. Пожарский сделал упреждающий ход, велел поспешить в Ярославль своему родственнику князю Дмитрию Петровичу Лопате-Пожарскому, который вошёл в город раньше Просовецкого и вынудил его отступить.

Почему Пожарский двинулся на Москву не прямым направлением через свой Суздаль, а через Ярославль, занимавший выгодное географическое положение, где удобно было собрать большое ополчение северных городов, более свободных от разгула польских и казацких грабителей. Как упоминалось, Василий Шуйский ещё в конце 1608 года в грамоте северным городам предлагал: «...а если для большого сбора захотите поскодаться в Ярославле, то об этом нам пишите». Это понимали и нижегородцы, двинувшиеся вверх по Волге. Балахна и Юрьев пополнили рать Дмитрия Пожарского, а костромской воевода Иван Петрович Шереметьев, сохраняя присягу Владиславу, решил не впускать ополчение в город, в результате чего был смещён и едва не убит. Пожарский дал Костроме воеводу князя Романа Гагарина, после чего походная казна пополнилась деньгами, а ополчение – людьми.

На пути к Ярославлю Дмитрий Пожарский получил письмо от Трубецкого и Заруцкого, в котором они раскаивались о своей присяге псковскому вору и предлагали быть заодно с нижегородским ополчением, но Пожарский не проявил доверчивости к опасным союзникам. Немногим раньше московские бояре в своих грамотах продолжали убеждать ярославцев и костромичей в необходимости призвания на трон королевича Владислава: что можно было ожидать от вельмож, находившихся в собственной столице на положении польских пленников?

К началу апреля 1612 года нижегородское ополчение пришло в Ярославль, где было встречено с честью. Здесь оно стояло четыре месяца, несмотря на понуждения поскорей идти к Москве. Минин и Пожарский проявляли осторожность, не желая повторить печальную участь Прокопия Ляпунова. Под Москвой стояли многочисленные казацкие отряды, а нижегородское ополчение, по словам

Д. Иловайского, являло собой «последние русские силы или, точнее, последнее ядро, около которого могли ещё собраться лучшие люди и средства, уцелевшие от предыдущих разгромов». По этому поводу С. Соловьёв писал: «Действительно, это были последние люди Московского государства, коренные, основные люди: когда ударили бури Смутного времени, то потрясли и свяли много слоёв, находившихся на поверхности, но когда коснулись оснований общественных, то встретили и людей основных, о силу которых напор их должен был сокрушиться».

ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В ЯРОСЛАВЛЕ

Первым попечением Минина и Пожарского было пополнение ополчения и казны за счёт присылки подмоги из других городов, для чего уже 7 апреля были разосланы грамоты, в которых предлагалось псковскому вору и Маринке с её сыном не служить и против польских и литовских людей стоять крепко. «И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя... Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два и с ними совет свой отписать», – писали из Ярославля. Грамоты начинались словами: «бояре и воеводы и Дмитрий Пожарский с товарищами челом бьют», эти люди и входили в «Совет всей земли». Примечательно, что подпись вождя ополчения стояла лишь десятой, после более сановитых бояр и князей (при этом Валишевский огульно называет Пожарского диктатором). Таким образом, изначально, уже во время стояния в Ярославле, предполагалось избрать царя. Был создан «Совет всея земли», выполнявший обязанности правительства, а Ярославль стал временной столицей русского государства, здесь даже начали чеканить свою монету, о чём свидетельствует челобитная чеканщика Максима Юрьева, лишившегося работы в связи с переездом монетного двора в Москву.

Основные интендантские хлопоты выпали на долю Кузьмы Минина. Отовсюду прибывали служилые люди, их надо было разместить, накормить, обеспечить оружием, а всего в то время в Ярославле находилось до двадцати тысяч ратников, притом, что население города после всех разорений, по некоторым оценкам, составляло не более нескольких тысяч человек. Распорядительный Минин сумел организовать работу различ-

ных приказов, создавая необходимую систему управления государством.

Второй заботой была определена необходимость обезопасить свои тылы от многочисленных казачьих шаек, промышлявших грабежом по всем северным уездам. С этой целью Пожарский отправлял по разным направлениям отряды для истребления мародёрствующих казаков: в Пошехонье был послан князь Дмитрий Лопата-Пожарский, в Бежецкий уезд и Углич – Дмитрий Черкасский, воевода Наумов вытеснил казаков Заруцкого от Переславля.

До избрания царя дело не дошло. Одной из причин было присутствие шведов в Новгороде, со стороны которых могли последовать агрессивные действия. В этом смысле Пожарский вёл правильную дипломатию, делая вид, что соглашается с возведением на русский престол шведского королевича: нужно было выиграть время. 13 мая в Новгород было послано посольство во главе со Степаном Татищевым, имевшим грамоты к митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди. Поскольку Карл IX умер, а на престоле находился его сын Густав Адольф, послы соглашались принять в московские государи его брата Карлуса Филиппа, как обычно, после принятия православной веры. Из Новгорода было ответное посольство, переговоры затянулись, что и являлось целью Пожарского.

В июле ополчение собиралось выступить в поход на Москву. В этот момент произошло покушение на князя Дмитрия Пожарского по казацкому заговору. От Заруцкого прибыли в Ярославль двое казаков и в сговоре с некоторыми стрельцами улучили момент, когда вождь ополчения выходил из съезжей избы. В людской тесноте к нему метнулся казак Степан с ножом, но промахнулся и ранил в ногу шедшего рядом ополченца. Казака схватили, он на пытке выдал своих сообщников. Не зря Минин и Пожарский проявляли осторожность, опасаясь коварства атамана Заруцкого.

Из Подмоскovie явились посланные от ополченцев украинских городов, призванных грамотами Пожарского. Они били челом в том, что терпят притеснения от казаков и просят скорейшего прибытия Ярославского ополчения, с которым были связаны теперь все надежды. Когда ходоки вернулись, Заруцкий хотел побить их, так что они едва спаслись бегством. Узнав о приближении к Москве Ходкевича, Дмитрий Трубецкой, тоже притесняемый казаками Заруцкого, через посредство архимандрита Троицкого монастыря Дионисия умоляет Пожарского поспешить с выступлением. Из Сергиевой лавры были направлены в Ярославль два ино-

ка с соответствующим посланием. На беду, среди воевод возникли какие-то разногласия, чтобы унять их пастырским словом, в Ярославль прибыл келарь Авраамий Палицын.

Впереди главного войска Пожарский отправил к Москве два сильных отряда с наказом, чтобы они расположились отдельно от казацких таборов. Наконец, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев, князя Фёдора Ростиславовича Чёрного и его сыновей Давида и Константина и получив благословение митрополита Кирилла, Пожарский выступил из Ярославля. На первом привале князь Дмитрий Михайлович передал рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, а сам с небольшим отрядом поспешил в Суздаль, чтобы помолиться в Спасо-Евфимиевском монастыре перед гробами родителей. Исполнив благочестивое желание, он присоединился к войску в Ростове. Отсюда Пожарский ездил в Борисоглебский монастырь на Устье, где в то время изнурял себя постами и тяжёлыми железными веригами знаменитый затворник Иринарх, который благословлял Скопина-Шуйского и дал ему свой медный крест, возвращённый старцу после освобождения Москвы Скопным. Теперь этот крест известного подвижника вместе с его благословением получил для духовного укрепления князь Дмитрий Пожарский. Ещё раньше Иринарх посылал в Ярославль Пожарскому призыв смело идти к Москве. Между прочим, у Иринарха побывал даже Ян Сапега и получил совет поскорей вернуться на родину, дабы избежать гибели здесь, что и произошло.

Поскольку в Русской земле не было патриарха, Пожарский на пути отправил грамоту казанскому митрополиту Ефрему, чтобы он поставил митрополитом уцелевшей церкви на Крутицах игумена Сторожевского монастыря Исаяю. В Казань послан был и сам Исаяя. «...Немалая у нас скорбь, что под Москвою вся земля в собрание, а пастыря и учителя у нас нет», – писал Н.Карамзин.

ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ СТОЯТИ

Узнав о приближении ополчения, Иван Заруцкий предпочёл удалиться из подмосковных таборов. Вместе со своими казаками он пошёл в Коломну, опустошил город и, взяв Марину и её сына, отступил в рязанские пределы. Это сообщение ободрило Пожарского и его воевод: медлительность, в которой их упрекали, обернулась благоприятной стороной.

Долго ли, коротко ли, 14 августа войско прибыло к Троицкому монастырю и отдыхало здесь четыре дня. Пожарский получил предложения от иностранных наёмников присоединиться к его войску, для чего они готовы были приплыть на кораблях в Архангельск. В числе их был известный нам француз – капитан Яков Маржерет, сражавшийся на стороне поляков. Пожарский отверг эти предложения, сославшись на то, что ныне вся земля находится в соединении и помощь извне не требуется.

В Троице архимандрит Дионисий и вся братия, отслужив напутственный молебен, провожали войско приложением ко кресту и кроплением святой водой. Вместе с войском отправился и Авраамий Палицын. По прибытии к Москве Пожарский расположил свой стан против Арбатских ворот, приказав укрепить его. Напрасно Трубецкой приглашал его располагаться вместе с его казацкими таборами: даже в отсутствие злонамеренного Заруцкого Пожарский не питал доверия к казакам. Почти одновременно к Москве подошёл гетман Ходкевич и встал на Поклонной горе. Имея около пятнадцати тысяч хорошо вооружённых и подготовленных воинов, он надеялся разгромить нестройное русское ополчение, но воины Пожарского были воодушевлены желанием биться за православную веру.

22 августа гетман Ходкевич начал переправляться через Москву-реку под Новодевичьим монастырём. Трубецкой попросил у Пожарского помощь и, получив пятьсот всадников, не ударил вовремя на неприятеля. Ходкевич стал теснить ратников Пожарского, ему на подмогу вышли осаждённые поляки, но они были сильно ослаблены голодом, и стрельцы оттеснили их. Трубецкой бездействовал, видя, как Ходкевич одолевает ополченцев, тогда несколько сотен казаков без команды начальства ринулись на помощь своим, что заставило неприятеля отступить.

Основу ополчения Пожарского составляли служилые дворяне, у Трубецкого под рукой находилась многочисленная казацкая гольтьба, более решительная и отчаянная в бою. «Они богаты, а мы наги», – роптали казаки. У того и другого стана были свои приказы. Трубецкой хотел, чтобы Пожарский ездил к нему для различных согласований, но Дмитрий Михайлович опасался непредсказуемого казацкого буйства.

Ходкевич уже начал расчищать путь для прохода обоза с продовольствием. В этот критический момент Пожарский призвал Авраамия Палицына, увещевая его пойти в стан Трубецкого, чтобы убедительным пасторским словом одушевить казаков прийти на помощь ополченцам. Палицын не пожа-

лел красных слов, восхваляя мужество и стойкость казаков, те ревностно кинулись в бой, переломив ход битвы, так что сумели отбить часть продовольственного обоза. В этой решающей битве отличился и в ратном деле Кузьма Минин, попросивший у Пожарского несколько конных и пеших сотен; удар их с фланга был неожиданным. Поляки дрогнули и бежали, понесся большие потери, сам гетман переместился со своим станом к Воробьёвым горам. Русские не преследовали их, довольствуясь этим успехом. С рассветом, поняв безуспешность дальнейшего наступления, Ходкевич отступил по дороге к Можайску. Продовольствие к засевшим в Кремле ляхам не было допущено. Они испытывали страшный голод, дошло до того, что поедали человеческое мясо.

Дмитрий Пожарский писал к полякам в Кремль: «Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидая со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрощает Николай Струсь да Московского государства изменник Федька Андронов с товарищами... Теперь же вы сами гетманов приход видели, и как гетман от вас отошёл... присылайте к нам не мешкая, сберегите ваши головы и животы ваши в целости...» Предусмотрительный гетман Гонсевский, почуввав опасность, заблаговременно покинул Кремль, оставив командовать гарнизоном полковника Струся. Ответ был высокомерный, дескать, вы знаете доблесть польских рыцарей: осаждённые ещё надеялись на какую-то выручку и на рознь между казаками и дворянами.

Между тем казаки продолжали роптать, некоторые намеревались уйти в северные города. Пожарский отказывался ездить к Трубецкому (по местничеству тот был выше), наконец воеводы примирились на том, что будут съезжаться по всяким делам на Неглинной и там же «разряд и всякие приказы поставили». В города от имени двух воевод были посланы грамоты, которые заканчивались словами: «И вам бы, господа, во всяких делах слушать наших грамот – Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского и писать об всяких делах к нам обоим, а которые грамоты станут приходить к вам от кого-нибудь одного из нас, то вы бы этим грамотам не верили».

Печальная весть пришла из Вологды, куда неожиданно явились отпавшие от Ходкевича казаки. Вологодский архиепископ Селивестр жаловался в своей грамоте: «22 сентября, за час до восхождения солнца, разорители православной веры пришли на Вологду безвестно изгоном, город взяли, людей всяких посекали, церкви божии поругали, город и посады выжгли до основания...

Воеводским нерадением и оплошеством сторожей на башнях, на остроге и на городской стене не было... а всё, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы».

Надо признать, что решающую роль во время осады Москвы играли казаки. 22 октября они пошли на приступ и овладели Китай-городом, но в Кремле поляки продолжали держаться. В связи с голодом они велели боярам и русским чиновникам выслать из Кремля своих жён. Пожарский принял их честно, при этом казаки возмущались, что им не позволили грабить боярынь.

Видя, что ожидать помощи не приходится ни с какой стороны, доведённые голодом до отчаяния, поляки начали переговоры, добиваясь, чтобы им была сохранена жизнь. Первыми Кремль покинули бояре: Фёдор Мстиславский, Иван Воротынский, Иван Никитич Романов и сын Филарета Михаил Романов с матерью Марфой Ивановной. На другой день Кремль покинули и поляки. Струсь был отпущен к Трубецкому, Андронova пытали.

27 октября ополчение Пожарского и ополчение Трубецкого собрались у Лобного места на Красной площади, где троцкий архимандрит Дионисий служил молебен, а из Кремля вышел архиепископ Арсений с духовенством, неся бесценную для Москвы икону Владимирской Божьей Матери. Совершив молебен, толпа двинулась в Кремль, осквернённый иноземными сидельцами. Картина была ужасная: храмы поруганы, образа ободраны и посечены саблями, кругом трупы, нечистоты и смрад. Все были потрясены, увидев котёл с кусками человеческого мяса. По этому поводу Кирилл Резников пишет: «Причиной людоедству был голод, такой же, от которого умерли сотни защитников Троицкого монастыря. Но русские умирали с молитвой на устах, а поляки – потеряв человеческий облик». Далее он приводит свидетельство киевского купца, пережившего эту осаду: «...пришли до одной избы, там же нашли килка кадок мяса человеческого солоного, одну кадку Жуковский взял... всех людей больше двух сот пехоты и товаришам поели». Справедливости ради, следует напомнить, что русские тоже теряли человеческий облик во время небывалого голода времён Бориса Годунова и тоже доходили до людоедства, о чём было сказано выше.

Князь Трубецкой расположился в Кремле, во дворце Годунова, а князь Пожарский избрал более скромную резиденцию, Воздвиженский монастырь на Арбате. Они по-прежнему исполняли роль временного правительства, вся административная власть сосредоточилась в их руках. Принялись за расчистку развалин, уборку трупов, наведение

кой-какого порядка. Однако казаки волновались, недовольные тем, что в разграбленной прежде Москве поживиться было нечем. Казна была пуста. Лишь весть о приближении польского войска во главе с Сигизмундом и его сыном Владиславом прекратила раздоры.

На наше счастье, долгой смоленской осадой и посылкой войск под Москву король истощил свои возможности набрать значительное войско, он рассчитывал, что привлечёт к себе многих русских людей. Надежды не оправдались, теперь Московское государство укрепились мыслью твёрдо стоять против иноземных захватчиков, и уже никто не звал на трон Владислава.

Собрав малое войско в Вильне, король двинулся через Смоленск к Москве. Здесь мы видим во главе конного отряда Жолкевского, но не того знаменитого полководца, а племянника его Адама. Когда поляки приблизились к столице, их встретили бодро и вынудили отступить. Сигизмунд безуспешно попытался взять приступом Волоколамск, на этом его бесславный поход и закончился.

Казалось бы, можно было преследовать противника и даже попытаться взять в плен короля и королевича: какая была бы честь русскому войску! Это явилось бы справедливым отмщением за польское заточение Шуйских. Увы, большая часть ополченцев дворян к тому времени уже разошлась по своим поместьям, и вожди ополчения не надеялись на свои силы. Главная цель была достигнута. Дело очищения Московского государства представлялось почти осуществлённым, но по многим уездам ещё разбойничали казаки и польские шайки. Дальнейшее устройство порядка требовало скорейшего избрания полновластного монарха, о чём заботились вожди ополчения ещё в Ярославле и чего теперь нетерпеливо ожидал весь народ.

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА

Столица была освобождена, оставалось решить другой важнейший вопрос: кого избрать на Царство? «Совет всей земли», исполнив свою миссию, разослал по городам грамоты с приглашением на Земский собор представителей от всех чинов и сословий, самых надёжных и разумных людей. В грамотах писалось, что государству никак нельзя стоять без государя, что иначе оно по-прежнему будет разорено и раздроблено расхитителями и ворами.

Дело было великое, и выборные, съехавшиеся в Москву в начале января 1613 года, составили Великий Собор или Великую Земскую думу. На этот

раз представительство, безусловно, было широкое, хотя и не полное из-за огромных пространств государства и его разорения смутами.

Начались долгие прения. Прежде всего решили основной вопрос: «Литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына её на государство не хотеть». Своя династия была утрачена, надо было снова делать выбор по знатности боярского рода и другим признакам. Стали рассуждать методом исключения. Главные претенденты князь Василий Васильевич Голицын и митрополит Филарет Никитич Романов находились в польской неволе: не зря же хитромудрый гетман Жолкевский удалил из Москвы этих соперников Владислава. Ф.И.Мстиславский, И.С.Куракин, И.М.Воротынский, члены Семибоярщины, сидевшие вместе с поляками в Кремле, не пользовались теперь доверием. Впрочем, Мстиславский и Воротынский сами отказались от высокой чести.

Якобы в числе претендентов были и вожди ополчений, соперничавшие друг с другом. Пожарский вряд ли мог рассчитывать на успех в силу своей неродовитости, а Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, несмотря на поддержку казачества, прежде служил Тушинскому вору, от него получил боярский сан и потому не мог иметь авторитета, хотя всячески старался склонить на свою сторону избирателей, в основном казаков, которым он устраивал пиры, потратив на это много средств. Выставлялась и кандидатура Маринкиного сына Ивана, в угодность казачеству, но и сами они за него не очень ратовали, хотя имели значительный вес на Соборе в силу своей многочисленности и заслуг в освобождении Москвы.

О роли казачества в избирательном Земском соборе убедительно сказано в коротенькой «Повести о Земском соборе 1613 года» (возможно, отрывок из более обширного текста). В ней говорится о том, что, когда после взятия Москвы служилые дворяне разошлись по домам, из столицы не хотели уходить казаки, заинтересованные в избрании царя и получении жалованья. Казаки ходили по Москве толпами и чувствовали себя здесь хозяевами положения. Бояре боялись даже встречаться с ними. Весьма красноречиво сказано о князе Трубецком: «Князь же Дмитрий Тимофеевич Трубецкой учреждаше трапезы и столы честныя и пиры многия на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая толпами к себе на двор по вся дни, честь им получая, кормя и поя честно и моля их, чтобы бытии ему на

России царём...» Подкупы оказались напрасными, потерпев неудачу, «князь же Дмитрий Трубецкой, лице у него ту и почерне, и паде в недуг, и лежа много дней, не выходя из двора своего с кручины, что казны истощил казаком и позна их лестны в словесех и обман».

Выбор склонялся в пользу Романовых: и по их близости к царской династии, и по благонравию этого семейства, имевшего доверие москвитян. Напомним, что ещё после низложения Василия Шуйского патриарх Гермоген предлагал на Московский престол юного Михаила Романова, но тогда в Москве сильна была польская партия, опиравшаяся на Станислава Жолкевского, и ставка делалась на королевича Владислава. Теперь за 16-летнего Михаила Романова принялся деятельно агитировать представитель этого разветвленного рода Фёдор Иванович Шереметев, известный своим замечательным рейдом от Астрахани до Владимира, сопутствовавшим успехам князя Скопина. Этот Фёдор Иванович, член Семибоярщины, находился вместе с Михаилом и его матерью в осаждённом Кремле. Здесь же был дядя Михаила Иван Никитич, этих троих держали под польским присмотром в качестве заложников, с другой стороны, Шереметев, женатый на племяннице Филарета княжне Ирине Борисовне Черкасской, старался оберегать их.

Фёдор Шереметев, несомненно, интриговал в пользу Михаила Романова, находясь в постоянной связи с Филаретом. Их совместная тактика заключалась в том, чтобы прельстить бояр мыслью об ограничении власти новоизбранного царя, как это повелось после кровавого деспотизма Грозного: пытались ограничить Годунова, а Шуйский сам взял на себя некоторые ограничения, и бояре при нём вели себя совсем вольно. Кандидатура Михаила Романова соответствовала таким настроениям, а Шереметев поддерживал их во время длительного избирательного Собора. Он писал в Польшу Василию Голицыну: «Помиримся на Мише Романове: он молод, разумом ещё не дошёл, и нам будет поваден». Василий Васильевич являлся дядей жены Фёдора Шереметева: кругом родня. К «романовской партии» примкнул и келарь Авраамий Палицын, умевший чутко улавливать политическое настроение в обществе.

Михаил не выделялся умом, физически был слаб, поэтому бояре предполагали, что он станет кротким царём, наподобие Фёдора Ивановича, который будет удобен им, боярам. Преимущество юного Михаила заключалось в том, что он не был причастен к интригам Смутного времени, в то время как все бояре так или иначе были замешаны в

сотрудничестве с двумя Лжедмитриями и с поляками, иные были просто изменниками.

Скажем несколько слов о Романовых, ведущих свой род от князя Андрея Ивановича Кобылы (XIII век). Его сын Фёдор Андреевич Кошка, от которого пошли другие трансформации: Захарьины, Юрьевы, Романовы (Романовичи), в том числе известный нам при младенчестве Ивана Грозного Никита Романович Захарьин-Юрьев, отец Филарета. Напомним, что Филарет (Фёдор Никитич) являлся племянником царицы Анастасии и ему более других соответствовал царский венец, если бы не польская неволя и монашеское положение, поэтому, указывая на Михаила, его именем избирали как бы самого Филарета в надежде на скорое его возвращение.

Итак, Фёдор Шереметев умело склонял Собор в пользу Михаила Романова. Наконец какой-то галицкий дворянин подал письмо (с указанием родословной) с предложением избрать Михаила Романова. Тут стали спрашивать, кто принёс это письмо? Думается, не случайно оно было доставлено от представителей Галича, поскольку там находилось имение Шестовых. Мать Михаила, Шестова Ксения Ивановна (в пострижении – Марфа), была дочерью полковника Ивана Шестова и Марии Шестовой, сосланной Годуновым в 1601 году в Чебоксары.

Мнение галичанина поддержал казацкий атаман, подавший аналогичную роспись древа Романовых. Как было сказано, с мнением казачества пришлось считаться. Духовенство тоже, уважая Филарета Никитича, поддержало кандидатуру Михаила. Предварительно проголосовали за него, но разделись голоса: «Мы его не видели, покажите нам его». Михаил с матерью Марфой Ивановной, сразу после освобождения Кремля, удалился в Ипатьевский монастырь, и Шереметев, не заинтересованный в том, чтобы показывать Михаила Собору из-за его молодости, неопытности и скромности, старался препятствовать приезду в Москву своего протеже.

21 февраля 1613 года утомлённый долгими прениями избирательный Собор под давлением казаков принял окончательное решение избрать царём Михаила Фёдоровича Романова. Была составлена крестоцеловальная грамота, на которой после благодарственного молебна в Успенском соборе началась присяга. К Михаилу Романову и его матери было назначено посольство во главе с боярином Фёдором Ивановичем Шереметевым; в него входили архиепископ рязанский Феодорит, троицкий келарь Палицын и другие духовные и светские лица. Кроме того, в многочисленную де-

легацию входили представители разных сословий: стольники, дворяне, дьяки, купцы, стрелецкие головы и казацкие атаманы.

Отправляясь из Москвы, посольство будто бы не знало в точности, где находятся инокиня Марфа Ивановна и её сын. По одним сведениям, они сразу укрылись за стенами Ипатьевского монастыря, по другим, более устоявшимся в народной памяти, они вначале проживали в своём имении Домнине Костромского уезда.

В то время по Заволжью разбойничали шайки лисовчиков (отряды Лисовского), один из таких отрядов, узнав, что где-то в этих местах находится новоизбранный юный царь, пытался найти его. Взяли проводника, крестьянина Ивана Сусанина, но тот умышленно заблудил их в зимнем лесу, успев через своего зятя предупредить Марфу и Михаила, чтобы они скорей спасались, укрывшись в Костроме. Сусанин героически погиб под саблями ляхов, став легендарной личностью нашей истории.

Большое посольство Земской думы прибыло в Кострому почти через месяц, 13 февраля. На другой день торжественно, вместе с костромскими начальными людьми и духовенством, с чудотворной иконой Фёдоровской Божьей Матери, направились к Ипатьевскому монастырю. Архиепископ Феодорит и боярин Фёдор Шереметев стали докладывать Марфе о событиях в Москве, о решении Собора. Марфа воспротивилась, говоря, что сын слишком молод, государство Московское разорено до крайности, а «всяких чинов люди по грехам измалодушествовали и, дав души прежним государям, служили им не прямо, изменяли». Марфа справедливо упомянула об измене Годунову, об убийстве Лжедмитрия I, о несчастной судьбе Шуйского. «Видя такие прежним государям клятвopепреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирождённому государю государем?» – спрашивала она, опасаясь за судьбу сына и мужа, находившегося в польской неволе, дескать, король, узнав о воцарении Михаила, может «учинить зло над ним».

Старица Марфа отказывалась благословлять сына на царство, и сам Михаил вторил матери, дескать, у меня и в мыслях нет такого. Похоже было на то, как Борис Годунов долго отказывался от венца, с той разницей, что он лицемерил, а Марфа говорила искренне. Кроме того, обычай требовал не спешить с принятием столь ответственного решения. Бояре умоляли её и Михаила не отвергать соборного постановления, что Михаила выбрали всею землею и крест целовали ему служить прямо, а «ныне Московского государства люди наказались и пришли в соединение во всех городах».

Со слезами молили и били челом полдня, наконец Марфа благословила сына на Владимирское и Московское царство, и он принял скипетр от рязанского архиепископа Феодорита. Это свершилось 14 марта 1613 года.

Через четыре дня огромная процессия двинулась к Ярославлю, где Михаил Фёдорович и его свита задержались на целый месяц.

Ярославль снова, как это было при Пожарском, наполнился сановными, чиновными и служилыми людьми, опять было подобие временной столицы, на этот раз не хлопотливой, а празднично торжественной. Началась переписка с Москвой с требованием подготовить резиденции для государя и его матери, позаботиться о продовольственном снабжении Кремля ввиду его разорения. Дожидались, когда прекратится распутица, и тронулись в дальнейший путь только 16 апреля.

Лишь 2 мая торжественно вступили в Москву. В Успенском соборе Михаил принял благословение от митрополита, в Архангельском поклонился праху усопших московских государей. Царское венчание состоялось 11 июля в том же Успенском соборе, после чего было сказано боярство вождю-освободителю князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Кузьма Минин получил высокий чин думного дворянина и жил оставшиеся три года в основном в Москве. Обычных в таких случаях милостей чиновному люду царь позволить не мог по причине полного опустошения казны. Но важнейшее событие свершилось: на Московское государство был венчан государь своей земли, а не иноземный королевич. Пророчество о том, что в России будет царь Михаил, явно ориентированное на князя Скопина-Шуйского, сбылось, только царём стал другой Михаил, из рода Романовых. После пятнадцати бедственных смутных лет начиналась новая династия, которой суждена была долгая 300-летняя история.

ПОСЛЕ СМУТЫ

По сути, и на сей раз избрали боярского царя, но были существенные оправдания такого решения. Во-первых, никто теперь не хотел видеть на Московском престоле иноземца. Во-вторых, долгие годы Смуты разорили и поставили на грань гибели государство, не знавшее такого потрясения никогда. Народ, жестоко наказанный за свои шатания и измены, хотел тишины и мирной жизни. В-третьих, Семибоярщина показала свою полную несостоятельность. В-четвёртых, избрали царя юного, не отягощённого грехами интриг, принад-

лежащего авторитетному боярскому роду. Было общее желание служить молодому государю, избранному всей землёй, наладить прежний порядок государственного устройства.

Столицу очистили от неприятеля, избрали юною царя, но смута улеглась не сразу: ещё рыскали повсюду летучие отряды лисовчиков, ещё оставались на свободе искатели трона атаман Заруцкий, Марина и её сын Иван. Схватить их было первой заботой боярского правительства во главе с тем же князем Фёдором Мстиславским, продолжавшим вершить государственные дела и при юном Михаиле.

В начале апреля 1613 года в Москве узнали о том, что Заруцкий вышел из Михайлова в Епифань, и, не ведая о его дальнейших намерениях, послали преследовать его воеводу князя Ивана Одоевского (младшего). Одоевский настиг Заруцкого под Воронежем, разбил его наголову, так что атаман бежал за Дон. Скоро пришла весть, что он созывает донских и волжских казаков. В противодействие ему правительство слало казакам не только увещательные грамоты, но и деньги, сукна, вина и пр.

Заруцкий остановился в Астрахани, намереваясь создать здесь некое подобие самостоятельной территории. Он даже вошёл в сношения с персидским шахом Аббасом, прося у него помощи. Однако астраханские люди относились к нему настороженно и только ожидали московского войска.

Заруцкий с Мариной вынуждены были бежать вверх по Яику (Уралу). Беглецы нашли приют в одном из казачьих городков. Преследователи нашли их 25 июня 1614 года и пленили вместе с малолетним сыном Марины Иваном.

Под сильным конвоем, по отдельности, их отправили в Казань, а оттуда – в Москву. Ивана Мартыновича Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили, на той же виселице скончался и Фёдор Андронов. Говорили, что Марина умерла в заточении от горя и тоски, но, вероятно, была умерщвлена. Такой печальный исход можно было предвидеть, но как далеко может завести человека гордыня, неуёмное честолюбие и авантюризм вопреки здравому смыслу? Возгордясь, Марина упорно не хотела расстаться с титулом царицы московской, рассталась с жизнью. Старый воевода Юрий Мнишек не дождался вести о гибели дочери, недолго тешившей его сердце блестящими надеждами: он умер за год до её тайной казни.

Теперь надо было избавиться от грабежей и разбоев казаков. Кто более всего опустошал русские города и веси? Пожалуй, неутомимый и неу-

ловимый наездник, шляхтич Александр Лисовский, «смелостью витязь, ремеслом грабитель»; отряды его лисовчиков действовали во всех уездах: мародёрствовали, оскверняли храмы, чинили расправы. Он оставил кровавый след под Троицей, в Суздале, в Переславле, Ярославле, Костроме, Галиче, Вологде, добрались его лисовчики даже до Тотьмы и Устюга. Теперь он усилился в Северском крае, притоне всех разбойников, а против него был отпущен боярин князь Пожарский, отличившийся и на этот раз, долго преследуя злодея, выжигавшего на пути города. К несчастью, и его увезли в Калугу, а неутомимый наездник Лисовский продолжал свой опустошительный рейд по местам, для него хорошо знакомым. «Лисовский уже не приступал более к городам, а пробирался как тень между ними, опустошая всё на пути, – пишет С.Соловьёв. – Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое...» Наконец он ушёл в Литву. В своё время Лисовский был изгнан из отчества, теперь, вероятно, был принят как герой, потому что подвиги его стали восхвалять в Польше.

Изнурённое долгим лихолетьем Московское государство оказалось стеснённым между Польшей и Швецией. Якоб Делагарди больше не был нашим союзником, с ним велись трудные переговоры о судьбе Новгорода. Новый король шведский Густав-Адольф предлагал новгородцам вечное соединение по примеру унии Польши и Литвы, имея в виду, что новгородской автономией будет управлять его брат Филипп. Летом 1615 года сам Густав явился под Псковом и пытался осаждать его. Долгие переговоры закончились подписанием 17 февраля 1617 года договора, по которому Новгород был возвращён Московскому государству, но многие города оставались за шведами.

Летом 1617 года королевич Владислав по решению польского сейма решил повторить поход на Москву. Вместе с ним шёл пленённый воевода смоленский Шеин, патриарх Игнатий и архиепископ смоленский Сергей, а вперёд посылались грамоты от «царя и великого князя Владислава Жигмонтовича всея Руси в Московское государство», в которых он писал, что теперь он в совершенных летах (ему исполнилось 22 года) и хочет «за помощь божиею своё государство Московское, от бога данное нам и от всех вас крестным целованием утверждённое, отыскать...»

Однако теперь «отыскать» Московское государство оказалось непросто, поход начался неудачно. С наступлением холодов войско Владислава стало роптать, не получая жалованья, и он вынужден был

остановиться в Вязьме, но отряды лисовчиков под командой полковника Чаплинского (Александр Лисовский умер в 1616 году) продолжали совершать свои опустошительные рейды. Здесь мы снова видим князя Дмитрия Пожарского, нанесшего поражение Чаплинскому под Калугой, а затем оборонявшего Москву. Между прочим, один из польских отрядов «в королевичев приход» подступал к костромскому Парфеньеву, где крепостью командовал предок Аркадия Гайдара по материнской линии Захарий Сальков. Он отбил приступ поляков, за что был пожалован здесь вотчиной. Сальковы были владимирскими дворянами и многие отличились в ратном деле, так что воинские задатки Аркадия Петровича объяснимы. Моё внимание привлекло высказывание Н.Карамзина о событиях под Коломной зимой 1609 года: «...разбойник Салков в пятнадцати верстах от столицы одержал верх над воеводою Московским Сукиным и занял владимирскую дорогу». Впереди было сказано, что против Салкова, «этого второго Хлопка», был послан более опытный воевода, князь Дмитрий Пожарский, истребивший шайку и пленивший её предводителя. Не связана ли фамилия Сальковых с именем этого удалого атамана, хотя он и назван хатунским мужиком? Кто-то из Сальковых мог стать впоследствии дворянином.

В связи с неудачами польская сторона стала думать, как бы окончить войну переговорами, что было и в интересах Москвы. Попытки штурмовать Москву кончились для поляков без успеха, Владислав отступил к Троицкому монастырю, напрасно требуя его сдачи. Переговоры продолжались в спорах о том, какие города Москва должна была уступить Польше. Речь шла о потере весьма значительных территорий с такими городами, как Смоленск, Дорогобуж, Рославль, Чернигов, Стародуб, Новгород Северский, Трубчевск, Невель, Себеж и др. Местом переговоров была избрана деревня Деулино, неподалёку от монастыря. Эти же города остались за Польшей и после долгих переговоров под Вязьмой на речке Поляновке. Москва в своё удовлетворение получила малое: отказ Владислава от претензий на Московский престол, возвращение из плена великих послов и останков царя Василия Шуйского. Василий Васильевич Голицын скончался в пути на родину, не увидев её.

Обмен состоялся 1 июня 1619 года. На речке Поляновке под Вязьмой построили два моста: по одному ехал в возке Филарет Никитич и остальные польские пленники, по другому одновременно – полковник Срусь с литовскими пленниками. Встречал Филарета по-родственному боярин Фё-

дор Иванович Шереметев, столь усердный в провозглашении Михаила царём. А в Можайске Филарета встречали архиепископ Иосиф, боярин князь Дмитрий Пожарский и князь Волконский. 14 июня встретил долгожданного отца и сам царь Михаил. Дождался Филарета в Москве и патриарх иерусалимский Феофан, чтобы возвести вчерашнего пленника на патриарший престол.

Теперь в Москве стало два царя. Москвитяне могли почувствовать себя спокойней, имея рядом с Михаилом столь мудрого государя-наставника. Произошло небывалое раньше: в одном лице соединилась государственная и духовная власть.

Скажем несколько слов о судьбе активных деятелей Смутного времени. Одним из «служивших прямо и честно» являлся князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Напрасно некоторые историки скромно оценивали его достоинства, дескать, не выиграл ни одного большого сражения и пр. Н.Костомаров сомневался в его организаторских способностях, ссылаясь на то, что во время долгого стояния в Ярославле «его мало слушали, не было всеобщего повиновения». Что касается дисциплины в 20-тысячном ополчении, собранном из разных городов, то это была задача не из простых: понятно, что могли быть какие-то недовольства и стычки, но нет ни одного свидетельства притеснений местных жителей, которых было меньше, чем ополченцев. И как же можно было, не имея порядка в нём, проделать путь от Нижнего Новгорода до Москвы и там отбить Ходкевича и принудить к сдаче польский гарнизон?

Пожарский не изменял Шуйскому, как это делали московские корыстолюбцы, искавшие милости у Тушинского вора, он с честью участвовал во многих сражениях и, без сомнения, являлся одним из самых порядочных, честных людей своего времени, не запятнавшим себя никакой изменой, когда другие воеводы и бояре метались из стана в стан. Нельзя согласиться с мнением Н.Костомарова о том, что Д.Пожарский был на вторых ролях у царя Михаила, иначе не сидел бы он дружкой на его свадьбе, не встречал бы за городом Филарета Никитича, да и боярский чин получил сразу после царского венчания Михаила, а ведь был только стольником (третий думский чин после боярина и окольничего). Как мы видели, князь Дмитрий являлся участником многих сражений, из которых выходил всегда с честью. По причине местничества он не мог получить назначение главным воеводой в каком-то большом походе или сражении. Слишком завидное внимание к его особе со стороны государя могло породить распри в боярской среде, от которых только что избавились. И сам он

в первые ряды не рвался, «не припадал на всякие стороны, смотря, где выгоднее для чести или для корысти, как поступало великое большинство тогдашних князей, бояр и воевод», как сказал известный историк И.Е.Забелин.

Подвиг князя Дмитрия Михайловича Пожарского, освободителя Москвы, был высоко оценён современниками, и слава его сохранится в веках. Отечеству он служил долго, скончался в 1642 году.

Человек сложной судьбы, перенесший и северную ссылку, и издевательства тушинцев в Ростове, и долгую разлуку с семьей, Филарет Никитич Романов – одна из самых ярких личностей Смутных лет. Особый авторитет приобрёл, находясь в великом посольстве к Сигизмунду и в польском плену. Страдания были восполнены венчанием в патриархи и совместничеством в управлении государством с царственным сыном. В могилу сошёл в 1633 году.

Впереди много сказано о троицком келаре Авраамии Ивановиче Палицыне, участнике важных событий Смутного времени, авторе известного «Сказания». Последние годы его жизни омрачились удалением из Москвы. Вернувшийся в 1619 году из Польши Филарет Никитич, став патриархом, сразу же дал понять о своём неприязненном отношении к Палицыну: он не простил ему ловкое уклонение от польского плена, когда во время посольства 1610 года келарь сумел получить милости Сигизмунда и благополучно вернуться в Москву. Теперь ему был назначен скорбный путь на Соловки, где он и скончался в 1626 году.

Судьба героя Смоленской осады, боярина Михаила Борисовича Шеина, оказалась печальной. Он вернулся в Москву вместе с Филаретом и был принят с почётом, скрыв свою тайную присягу Сигизмунду. Между тем отношения между Россией и Польшей и после Деулинского перемирия продолжали осложняться. Владислав не отказывался от титула царя Московского, поляки в своих грамотах задирали достоинство Михаила Романова, оскорбляли его, бесчестили, не называя царём. В этих условиях в 1631 году началась подготовка к войне; были приглашены наёмники немцы.

Решили отвоевать Смоленск. 30-тысячное войско выступило под началом Михаила Шеина и окольничего Артемия Измайлова. Поначалу им сопутствовала удача, легко взяли Белую, Рославль, Себеж, Трубчевск, Новгород-Северский, Стародуб и другие города, но под Смоленском московская рать действовала безуспешно 8 месяцев. В это время (1633 год) умер Сигизмунд, и Владислав, став королём, подошёл к Смоленску во главе войска. Русские потерпели поражение,

Шеин сдался победителю и был отпущен им с остатками войска в Москву, где ожидали его суд и казнь. Вместе с Шеиным был казнён и второй воевода Измайлов. Судьи были не снисходительны потому, что при назначении командующим на взятие Смоленска Шеин заносчиво оскорбил многих бояр, заявив о своих заслугах, в то время когда они «прятались за печью».

Многие деятели Смутного времени закончили свою притязательную, бурную жизнь бесславно, погибнув в этой ожесточённой изнурительной борьбе, среди них: Борис Годунов, оба Лжедмитрия, Лжепётр, Марина Мнишек, Ян Сапега, гетман Тушинского вора Роман Рожинский, изменники: князь Григорий Шаховский, воевода Фёдор Басманов, боярин Михаил Салтыков и его сын Иван, Иван Болотников, Иван Заруцкий и другие. Но с честью приняли смерть Василий Шуйский, храбрый воевода Михаил Шеин, негибаемый патриарх Гермоген, польский пленник, великий посол Василий Голицын, русский богатырь немедленного действия Прокопий Ляпунов, защитники Боровского монастыря князь Михаил Волконский и игумен Иоасаф, оставившие в нашей истории добрую память о себе: всех героев сопротивления не перечислить. И вечная слава трагически погубленному молодому князю, освободителю Москвы, Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому.

Решающую роль в повстанческом движении сыграли казаки, толпы вольных людей, населявших южные земли, всегда готовые к мятежу в целях разбоя. Весь юго-запад России, долгие годы находившийся во власти Литвы (так называемая русская Литва), больше симпатизировал польскому королю, а не московскому царю. Не случайно Лжедмитрий I начал свой поход через Северскую землю, всегда склонную к мятежности, что привело в движение все слои населения, принявшего участие в вооружённых столкновениях, и что дало право историкам назвать Смуту первой гражданской войной в России.

Печальные события Смутного времени не были бы столь губительны без польской интриги, являющейся главной направляющей силой в борьбе за Московский престол; интрига эта началась тайной подготовкой первого претендента, а закончилась открытой войной, польской интервенцией. Масштабная вероломная авантюра дорого обошлась и самой Польше и привела в скором времени к воссоединению Украины с Россией.

«Россия вышла из Смуты тяжко изувеченной, истерзанной, с двумя большими вырезами у своих границ», – писал К.Валишевский. Эти территори-

альные потери надо было впоследствии отвоёвывать заново, проливая море крови.

Сколько воинов полегло на поле боя! Сколько людей сгинуло в заточении, при изморных осадах, погублено и посечено воровскими шайками! Скольких взяли голодная смерть и моровые болезни! Это не поддаётся исчислению, но, по оценкам историков, население уменьшилось почти вдвое. Непрерывные походы и битвы, изнурительные долговременные обороны в крепостях и монастырях, пепел пожаров и реки крови по всей русской земле, когда враги секли саблями всех людей без разбора: страдания неопишутся. Поражает стойкость русских людей, нашедших силы пережить такие потрясения и выстоять в изнурительной борьбе за свою независимость.

Духовной опорой русским людям при всех невероятных страданиях являлась православная вера. Именно духовенство, как наиболее образованная часть общества, старалось своими проповедями и грамотами пробудить патриотические чувства страдающего народа. Видя продажность боярской верхушки, озабоченной прежде всего поисками личных выгод, готовых признавать царём Тушинского вора ради получения чинов и милостей, видя, как мечутся между Москвой и Тушином «перелёты», как Семибоярщина (Ф.И.Мстиславский со товарищи) изменнически стала призывать на трон королевича Владислава, предательски впустила в Москву поляков, а низложенного царя Василия Шуйского подло отдала в плен гетману Жолкевскому, видя всё это, духовные пастыри не могли без гнева терпеть поругание над нашими святынями, жестокие разбои ляхов, сидевших и в самом Кремле вместе с боярской Думой. Такого унижения имени русского нельзя было припомнить.

И когда стало понятно, что верхи способны только к изменам, что государство находится на краю гибели, все надежды обратились не к знатнейшим, а к «добрым людям» (служилым дворянам, посадским и пр.), и пошли грамоты по городам, и всколыхнули многих радетелей земли, горевших желанием очистить родину от врагов, коварно прокрывшихся в самое сердце столицы, в Кремль. Нашлись и надёжные вожди ополчения: торговец Кузьма Минин и князь скромного звания, стольник Дмитрий Михайлович Пожарский. Этим невольным людям выпала честь освобождения Москвы и вечная благодарность потомков.

Резюмируя по поводу событий Смутного времени, Казимир Валишевский сетует: «История Европы не знает другой революции, которая казалась бы столь бесплодной по своей развязке и по своим последствиям. В течение десяти лет эта рево-

люция расшатывала всю страну, заливала её потоками крови, покрывала развалинами, но сама не внесла ни одного нового начала, не указала нового пути её будущему развитию».

Смута была великой, но она не являлась революцией, потому что изначально не ставилось никакой новой цели, а было общее стремление восстановить оборвавшуюся династию Рюриковичей, прежний порядок в государстве. Законный наследник был злодейски убит, а ситуацией воспользовались покровители самозванства при активном вмешательстве Польши.

Совершенно противоположное заключение вывел Дмитрий Иловайский: «Что русская государственность до Смутного времени развивалась исторически правильно, это доказывается наглядно последующим ходом истории. Когда Смутное время прекратилось, тотчас же государственная и общественная жизнь поспешила войти в прежнее русло и пошла вперёд по тому же направлению». Это верно, потому что в понятиях русских людей жизнь без царя была немыслима, даже А.Пушкин не представлял государство «без полномочного монарха».

Иловайский справедливо говорит о проявившемся в ходе Смуты различии между Восточной и Западной Русью, находившейся долгое время под литовско-польским влиянием. В польско-литовских отрядах большинство составляли западнорусы, уже «далеко разошедшиеся» со своими восточными собратьями. Это расхождение между Восточной и Западной Русью сохранилось до наших дней, как показывают события на Украине.

Вystояла прежде всего северо-восточная Русь, которая лишь на короткое время признала Тушинского вора, а потом поднялась на борьбу с ним и с польскими захватчиками и одолела их. Разорённое многолетней изнурительной Смутой Московское государство смогло снова окрепнуть и потому, что его внутренние ресурсы оказались значительными для восстановления всего государственного организма. Безусловно, Россия усилилась союзом с казачеством, отложившимся от Польши.

Русский народ, мужественно и стойко перенёсший трагедию Смутного времени, проявивший огромную волю и энергию к сохранению государственного и общественного порядка, доказавший свою жизнестойкость в самых крайних опасностях, явил себя народом историческим. События Смутного времени показали, что такой народ способен совершать великие дела и подвиги в будущем. Ещё недавно могущественная европейская держава, Польша надорвалась «в своём задорном

натиске», в стремлении покорить Московское государство и теперь катилась к своему закату, наказанная за своё алчное захватничество, за неисчислимы страдания русских людей. Слабость Польши проявилась и во время прихода королевича Владислава к Москве, в попытке овладеть царским скипетром, и в неудачной войне с турками, когда погиб в 1620 году знаменитый полководец Станислав Жолкевский. А Россия, спасённая высшим промыслом, в недолгом времени вернула все утраченные по Деулинскому перемирию территории и продолжила восходящий исторический путь к своему величию.

Перевернём последнюю страницу нашего повествования и с благодарностью вспомним славных предков, отстоявших честь и независимость России 400 лет тому назад. Несгибаемый (твёрдый адамант) патриарх Гермоген, герой Смоленска воевода Михаил Шеин, надежда России молодой князь Михаил Скопин-Шуйский, герои Троицкой осады, вдохновляемые архимандритом Иоасафом, наконец, вожди народного ополчения Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский и многие другие показали своим примером несгибаемость русского духа, ещё более закалившегося в горниле бедствий великой Смуты.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷ Никон Радонежский (1350–1427) – св., преподобный игумен Троице-Сергиева монастыря. Ученик и преемник Сергия Радонежского.

⁸ Салтыков Михаил Глебович – боярин. В 1605 году перешёл на сторону Лжедмитрия I под Кромами. Сосланный Василием Шуйским в Орешек, присягнул Лжедмитрию II. В 1609 году, опасаясь Михаила Скопина, бежал в Тушино. В 1610 году возглавлял посольство тушинских бояр к Сигизмунду под Смоленск, о чём было сказано выше. Являлся ближайшим помощником А.Гонсевского в Москве, возглавлял польских сторонников. Угрожал ножом патриарху Гермогену, требуя написать грамоту к первому ополчению, чтобы оно разошлось, настаивал на призвании Владислава. После расправы в Новгороде над его сыном Иваном (посадили на кол), убоявшись той же участи, в 1611 году, воспользовавшись отправкой в Польшу послом, остался там.

⁹ Касимовские ханы верно служили московским князьям со времён Василия Тёмного (Касим участвовал в решающей битве Василия Тёмного с Дмитрием Шемякой в 1450 году). В 1598 году Борис Годунов пожаловал в касимовские цари киргизского царевича Ураз-Магомета. Хан (царь) Ураз-Мухаммед в апреле

1610 года побывал у короля Сигизмунда под Смоленском: вероятно, целью его поездки в Калугу было не только желание повидаться с женой и сыном, но, пользуясь этим поводом, устроить заговор против самозванца. Непонятна здесь роль Яна Сапеги, наладившего отношения с королём и ушедшего в Калугу: с какой целью? Вероятно, совместный поход Лжедмитрия и Сапеги на Москву должен был ослабить позиции русских в переговорах с Сигизмундом.

¹⁰ Заруцкий Иван Мартынович – атаман донских казаков. В 1608 году Пожарский заболел¹¹. Заруцкий вместе с Лжепетром пришёл к Лжедмитрию II. С ним отступил из Тушина в Калугу. В 1611 году участвовал в первом ополчении. Его коварство стало причиной злодейского убийства вождя ополчения Прокопия Ляпунова. Содействовал Марине Мнишек в ее желании утвердить на Московском престоле сына Ивана. Спасаясь от преследования московских воевод, ушёл к Астрахани, где был выдан казаками вместе с Мариной и её сыном. Казнён в Москве самой жестокой смертью: посажен на кол.

¹¹ Дело с болезнью Д.Пожарского не совсем ясно. Когда сыну известного тушинца Михаила Глебовича Салтыкова, Борису Михайловичу было пожаловано боярство, Дмитрий Пожарский должен был стоять у сказки, но проявилось местничество: Пожарский заупрямился, заявив, что ему «нельзя быть меньше Салтыкова», и удалился в свой двор, сказавшись больным. Однако Салтыков бил челом государю о защите своей чести, и Пожарский был выдан ему головою. В это время мы видим Пожарского, занятого погоней за Лисовским: не было ли это посылкой «на фронт» в на-

казание заслушивание? Находившийся в Калуге, Пожарский сообщал царю, что тяжело болен и ожидает смерти с часу на час. Думается, причина столь преувеличенной болезни заключалась в проигранном местническом споре. Местничество, порождавшее тяжбы и непримиримые обострения между боярами, принесло много вреда Московскому государству. Главным воеводой Большого полка, как правило, назначался самый вельможный боярин, хотя бы и бездарный полководец, и все прочие воеводы получали назначение не по воинским заслугам, а по именитости. Чтобы покончить с местничеством, надо было явиться Петру Первому.

После Смуты Пожарский жил долго, не получая ответственных поручений и оставаясь на вторых ролях. Якобы он страдал меланхолией, поэтому не был человеком инициативным и сам не стремился выдаваться вперёд. В Земском Соборе, где он поначалу председательствовал, теперь вершили дела всё те же Ф.М.Мстиславский со товарищи, ревниво относившиеся к неродовитости князя и его заслуженной славе.

Юрий Серафимович БОРОДКИН

родился в 1937 г. в Нижнем Новгороде.

Окончил Литературный институт.

Более двадцати лет возглавлял Ярославскую писательскую организацию.

Автор многих книг прозы и журнальных публикаций.

Широкую известность получил роман «Кологривский волок»,

опубликованный в журнале «Москва»,

в «Роман-газете» и несколько раз переизданный.

Этот роман отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Особое место среди произведений Ю. Бородкина занимает роман

«Малая Пасьяма». Трагические события одноимённой деревни,

описанные в нём, основаны на достоверных фактах.

Дважды выходили его «Избранные произведения»,

а также – собрание сочинений в трёх томах.

Является членом Высшего творческого Совета Союза писателей России.

Живёт в Ярославле.

